

І. Інновації і буття

В.В.Кизима

МЕТАФИЗИКА ИННОВАЦИЙ

Предисловие

Сегодня инновации часто рассматриваются как не имеющий альтернатив ответ на глобальные вызовы, с которыми столкнулось мировое сообщество. Но сам этот ответ требует осмысления. Можно выделить три типа инновационных процессов – *конвергентный, дивергентный и синергийный*. В первом случае идет постепенное сближение внутринациональных, межнациональных и региональных инновационных систем, а также инновационных циклов внутри каждого общества – от подготовки кадров для исследовательской деятельности до внедрения в производство новых технологий. Считается, при этом, что наука, образование и промышленность должны быть соединены, поскольку их изолированное развитие ведет к размыванию потенциала каждой из этих сфер. Однако в этом случае не очень ясно, чем инновационный подход отличается от системного, структурного, иерархического и в чем критерий оптимальности процессов подобной «сборки».

Дивергентный инновационный процесс рассматривается как внесение нового в отдельные звенья и сферы человеческой жизнедеятельности. Такие инновации, особенно в информационных технологиях, непрерывно генерируют различия, в свою очередь

порождающие дифференциации в обществе и сознании, ведут к диверсификации деятельности отношений, товаров, услуг, профессий. Но здесь возникает свой вопрос: чем такие инновации отличаются от изобретений, открытий или усовершенствований (рационализаций) и может ли быть управляема эта хаотичная стихия как нечто целое?

Частично отвечает на указанные вопросы синергичное понимание инноваций как *самоорганизующихся* комплексов, позволяющее использовать наработанную синергетическую методологию и понятия. Но, в то же время, оно обостряет ряд других вопросов, относящихся к самому существу дела: что следует считать объектами и субъектами инновационных метаморфозов, сохраняется ли идентичность меняющихся в ходе самоорганизации объектов, а также в чем состоит механизм порождения «точек бифуркации». Возникают и вопросы об их предсказуемости, управляемости, и более общий - о том, исчерпывается ли понятие инноваций понятием самоорганизации?

Общим недостатком всех указанных случаев является то, что в них человек и его роль оказываются в тени, имеет место абсолютизация производственно-технической, проектно-технологической и финансово-экономической сторон жизни, имеет место обесценивание и игнорирование гуманитарной составляющей и социальных стратегий и ценностных установок социума как целого. Общая картина становится фрагментарной и противоречивой в практических реализациях, утрачивает предсказуемость, а понятие инновации – специфику, поскольку прилагается к любым действиям. К ним относят, в том числе, псевдоинновационные и утопические проекты, бумаготворчество вместо дела. В этом случае ими прикрывается разбазаривание и хищения финансов и средств. Все это ведет к дисбалансам в обществе и чревато его катаклизмами в будущем.

В предлагаемой нами работе рассматривается *универсальная модель инновационной деятельности*, применимая к *любым инновационным процессам*, позволяющая четко определить специфику инноваций и взглянуть на них с единых позиций, а также наметить пути оптимизации инновационной деятельности. Новый подход разрабатывался на основе принципов метафизики тотальности - постнеклассического методологического направления, базовые позиции которого были сформулированы двадцать лет назад и получили затем существенное развитие. Данные принципы исходят из центральной роли человека в инновационном процессе как носителя одновременно субъектной и объектной функций, в результате чего инновации выступают не как отдельные изолированные акты, а как

процессы *одновременного развития среды и человека*, независимо от того, в какой области и на каком уровне жизни общества они осуществляются. Человек в этом случае оказывается в центре инновационных событий, что позволяет устранить их бессубъектность - главную беду современных «инновационных» процессов¹, а также и неопределенность с понятиями объектов инноваций и инновационных сред, смысл которых также остается сегодня недостаточно проясненным.

Базовое значение в предлагаемом подходе несет принцип двойственной природы человека как субъектного и объектного, одновременно полионтичного и полионтологического существа, сложностью своего поведения представляющего разнообразные уровни и возможности не только своего индивидуального бытия, а и инновационной среды. Причем последняя расширяется до предельно глубоких ее субстанциальных оснований.

Конечной целью нового подхода является оформление *универсальной методологии оптимизации управления инновациями*, в которой само бытие рассматривается как *единство явного и скрытого в нем*. Это открывает новые инновационные перспективы, поскольку объектом инноваций становятся не только внешние причинные отношения вещей, а и глубинные, скрытые влияния бытия как на содержание объектов инноваций (вещей), так и на подсознательные механизмы жизнедеятельности самого человека, уходящие за пределы его телесного существования в разноуровневые онтологии бытия. Это позволяет внешним действиям человека рефлексивно влиять на его собственное глубинное подсознание и через него на сознание, меняющее, в свою очередь, характер внешних действий человека. Учет данного рефлексивного механизма позволяет, помимо прочего, преодолеть традиционные рамки гносеологии и психологии и выйти на более глубокую их разработку. А человек предстает как форма, несущая *всю полноту возможностей бытия*, не ограничиваемая его земной и биосоциальной природой. Тема инноваций, в таком случае, обретает мировоззренческий смысл и звучание, указывает на вызревание новых, не только земных, а и космических измерений жизни современного социума.

---

¹ Бессубъектность В.Е.Лепский определяет как «отсутствие субъекта инновационного развития, осознающего свои цели, интересы, стратегию и тактику, обладающего необходимой политической волей и способностью добиваться решения поставленных задач» (Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М., Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255с. – с.94).

В основу предлагаемой работы положены идеи, высказанные автором на пленарном докладе на всеукраинской конференции, посвященной теме «Гуманитарные инновации, их особенности и роль в современной жизни общества», проводившейся 17-18 мая 2013 в Центре гуманитарного образования НАН Украины в Киеве.

Введение

Понятие инновации (нововведения) родилось в работах Йозефа Шумпетера, особенно четко представленное в его вышедшей семьдесят лет назад книге «Капитализм, социализм и демократия». Он связывал с ним важную, если не определяющую роль в объяснении циклического характера развития капитализма и его кризисов, рассматривал кризисы и их преодоление как следствие не столько конкурентной борьбы, сколько осуществляемой ради получения прибыли предпринимательской (инновационной) деятельности.

Шумпетер уловил противоречивую природу инноваций, обозначив их как «созидательное разрушение», позволяющее переходить от исчерпавшего себя старого процесса производства к качественно иному, основанному на новых принципах и возможностях. В такой интерпретации сутью инноваций оказываются не разовые технические новшества и изобретения, а *процессы их смены, играющие существенную роль в перестройках жизни всего общества*. Этим и объяснялась необходимость введения им нового понятия инновации. Однако после Шумпетера, на фоне возобладавших идеологий индустриального и постиндустриального общества, произошло сужение понимания инноваций. Их стали рассматривать лишь как отдельные научные и производственно-технические нововведения, фактически отбросив тот новаторский смысл, который был заложен Шумпетером. Новый толчок инновационному движению дали глобальные финансово-экономические кризисы, в частности 2007-2008 годов. Но инновации и здесь понимались в том же усеченном производственном, технико-технологическом смыслах.

Сегодня в соответствии с принятыми международными стандартами инновации рассматриваются как конечный результат деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам. При этом они по-прежнему связываются преимущественно с производственно-экономической и торговой деятельностью.

С исторической точки зрения инновации следовало бы считать источником прогресса. На самом деле не любое новое тождественно инновациям как сознательно осуществляемым действиям по выявлению скрытого и его использованию. «Прогресс», который был до XX в. и продолжается сегодня, реально предстает в основном как стихийно возникающее новое на основе стихийного же разрушения старого, т.е. выступает как *стихийная история*. Сегодня эта история слепо идет за колебаниями индексов на биржах и курсов валют. Соответственно, человек, несмотря на развитие науки, остается человеком не столько разумным, сколько *стихийным*. До сих пор он стремился творить историю силовым образом, но на практике история творила его. Такой «прогресс» сегодня исчерпал себя, а его номинальные субъекты, пребывающие у власти, все больше утрачивают перспективу. Исповедуемые ими ценности – деньги и власть – и принудительные методы управления через подвластные им явные законодательную, исполнительную, судебную системы и силовые структуры, а также невидимые влияния как внутри стран, так и в международных отношениях, в условиях глобальной интеграции все чаще ведут к масштабным опасным рискам и дают сбой.

Сегодня с очевидностью растет глобальная необходимость иного, несилового управления на основе *постоянного переговорного и договорного согласования* любых явных действий, скрытых возможностей и локальных инноваций с жизнью *всего мирового сообщества и природы*. Социогенез, в этом случае, предстает как развертывающаяся в себе, но сохраняющая себя полнота – тоталогенез, в котором отдельные страны и регионы должны выступать не как истребляющие друг друга конкуренты, а как эволюционирующие субтотальности общей жизни и судьбы. Главной проблемой становится формирование *механизмов непрерывной гармонизации* социогенеза, человека, и их отношений с природной средой, *в центре которых должны стоять человек и его среда*. На ведущие позиции в таком механизме выходит *гуманитарная экспертиза* любых важных решений, затрагивающих жизнь людей и имеющая целью поддерживать ведущую роль человека в обществе при постоянной экологической гармонизации отношений общества и природы.

Главное и все более обостряющееся противоречие современности состоит как раз в том, что указанная назревшая гармонизация не может осуществляться в условиях сегодняшнего далекого от антропоцентристской идеи образа жизни социума. *Последний должен быть изменен*. Образ жизни, основой которого являются экономические интересы, конкурентная борьба, деньги и власть, а

также политическое стремление делить нации и народы на «великие», которым все позволено, и прочие - *такой образ жизни исчерпал себя*. Позиция силы уже явно не соответствует масштабам и характеру реальных задач, стоящих перед человечеством, и ведет к результатам, противоположным ожидаемым². Кризис идеологии экономоцентризма проявляется и в том, что уже самими представителями силовой стратегии все больше осознается приоритетная по отношению к экономике роль духовно-информационного фактора, определяющего правильные *смыслы* действий. Так Стивен Манн утверждавший еще недавно в своей небезызвестной статье, изданной в 1992 году Пентагоном, «Теория хаоса и стратегическое мышление», что в условиях господства в мире индивидуализма для обеспечения национальной безопасности США сегодня нужны не столько бомбардировки и оккупация тех или иных режимов, сколько «перезагрузка» культуры и идеологии их обществ, способная вызвать их политическую мутацию (например, в виде «цветных революций»), и рассматривавший этот путь как единственно возможный для США и их сателлитов править миром, фактически неявно признал фундаментальную роль внешне неощутимых гуманитарно-ценностных смыслов в современном мире, хотя и использовал этот факт для обоснования новой стратегии защиты мира старого. Им осознается, при этом, и важная роль подсознания как «интуитивной сердцевины» подобных инновационных действий.

---

² Одним из симптомов осознания этого факта является вышедшая в 2004 году книга Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы». Ее автор обнародовал информацию о давно осуществляемой на глобальном уровне негласной деятельности, одним из активных участников которой он сам долгое время был. Суть ее состоит в том, чтобы с помощью высокооплачиваемых профессионалов-«экономических убийц», работающих при правительствах многих стран и существенным образом влияющих на их экономическую политику, включать экономики этих стран в глобальную империю *корпоратократии* – системы корпораций, банков и правительств, контролирующей мировые ресурсы и весь мир. Этим контролем озабочена современная западная властвующая элита. Книга Перкинса засвидетельствовала, что даже сторонникам данной идеологии становятся очевидными ее авантюризм и конечная бесперспективность, и что подобные «решения» мировых проблем ведут, на самом деле, к усугублению глобального кризиса. Автор пишет, что их результаты уже «вышли из-под контроля», ведут не к разрешению, а обострению всех проблем. В предисловии к своей работе он отмечает, что книга написана для того, чтобы мы задумались и изменили нашу жизнь.

Подобные отдельные и противоречивые симптомы осознания порочности экономоцентризма и корпоратократии с одной стороны, и констатация неустойчивого характера современной жизни социума – с другой, хотя и важны, но они служат скорей расшатыванию прежних стратегических доктрин, и еще не указывают какие позитивные установки должны прийти им на смену. А в случае утопической идеологии управляемого хаоса Ст.Манна в пользу единственной страны, которая будет «наводить порядок» в мире, речь идет фактически об усугублении сегодняшних проблем новыми методами.

Между тем, модель нового образа жизни уже обрела достаточно явный вид, чтобы с ее помощью можно было указать на особенности *качественно нового характера глобальной ситуации*. Ее стержневыми положениями являются следующие.

Первое. Необходимо понимание глобального социума не как поля конкурентной борьбы, а как объективно существующего постоянно меняющегося единства многообразия – *социальной тотальности*, имеющей свои объективные законы (законы тоталогенеза), которые и необходимо соблюдать в интересах человечества подобно тому, как мы соблюдаем законы естественных наук для решения проблем, связанных с природными процессами.

Законы и универсальные принципы социального тоталогенеза, оставшиеся прежде неизвестными, сегодня открыты на основе созданной в последние двадцать лет философской модели бытия – *метафизики тотальности*, ее универсальных понятий и принципов. Их применение к постоянно меняющемуся глобальному миру становится первоочередной задачей. Однако препятствием этому являются интересы субъектов, привыкших властвовать. Потребуется время, чтобы усиливающийся динамизм глобальных, региональных и национальных процессов привел к оформлению нового образа жизни как *единственно возможному выходу для всех*. Это наступит, когда негативные для всего населения, включая олигархат и властвующую элиту разных стран, негативные последствия начнут проявляться *сразу же* по ходу их свершения и будут требовать ответной реакции со стороны общества немедленно, а не «потом». Уже сегодня информация о скрытых махинаций в жизни людей, в том числе о скрытом обогащении меньшинства за счет подавляющего большинства, неумолимо становится достоянием общественности, а прежде скрытые экономические и политические мотивы собственников и политиков начинают все очевидней для всех влиять на общество в качестве отрицательных обратных связей, подлежащих контролю. Неизбежно нарастание тенденций гармонизации прямых и

обратных связей в общественной ситуации в целом, а значит усиления контроля за их влиянием на общественную жизнь и управления ими. Скрыть информацию становится практически невозможно³. Принципиально важно, что конструктивная работа в этом случае возможна только в объеме *всего социума*, открытость и публичность становится требованием жизни. И подобно тому, как нарушение физических законов ведет к катастрофам техническим, нарушение гармонических экономических, торговых, финансовых и прочих балансов глобального социума все непосредственнее будет вызывать катастрофы общественные. Виновным, даже высокопоставленным, от ответственности за них спрятаться уже будет некуда. В ответ на свою *любую* деятельность каждый субъект, начиная с человека и кончая корпорациями и странами, все неотвратимее получает реакцию, *сказывающуюся и на нем самом*, в результате чего он вынужден считаться с возможными негативными для него последствиями и если не добровольно, то под давлением ситуации, *гармонизировать свои действия с остальной социальной средой*. В этих условиях неизбежно оформление нового правила жизнедеятельности, который можно определить как ***императив ответственности***: *действуя ради собственного блага, выбирай такие пути и методы, чтобы при этом способствовать благу всех, в результате чего и твои собственные возможности и блага будут умножаться*. Данный императив - **основа нового образа жизни**.

Всех, начиная с рабочего, служащего, чиновника, кончая директором завода, министром и президентом, в этом случае объединяет непосредственная ответственность не только за свои действия и свое будущее, а и за действия и будущее всех. В конечном итоге, это важно для консолидации всего социума и продолжения его жизни на земле и за ее пределами. Описанная Перкинсом политика создания империи корпоратократии – пример игнорирования данного императива, и именно подобные имперские притязания могут породить глобальные кризисные процессы и стать эпицентром опасных событий, грозящих катастрофой всему человечеству. Вместо мирного процесса глобального обновления социум получит непредсказуемый своим исходом глобальный катаклизм.

---

³ Как свидетельствуют прецеденты с утечкой информации на сайте Wikileaks и с сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Э.Сноуденом, в условиях современных коммуникаций и интернета даже сверхсекретную военную информацию утаить трудно и ее огласка чревата мгновенной негативной реакцией в мире, меняющей акценты в жизни не только локальной, а и глобальной.

Второе. Чтобы соответствовать императиву ответственности и избежать катастрофы, процесс обновления должен осуществляться на основе понимания глобального социогенеза как глобального тоталогенеза, а значит в соответствии с объективными универсальными принципами последнего⁴. Сегодня, однако, это остается невозможным из-за ориентации лидеров стран на старые идеи, цели и ценности. Глобальное противоречие в том, что вместо декларируемой политики взаимопонимания и сотрудничества всех субъектов жизнедеятельности социума лидеры ведущих стран *на практике* реализуют идею «роста конкурентоспособности» своих стран на мировом рынке, что, фактически, стимулирует противоборство во всех сферах жизни и противоречит императиву ответственности. Объективные процессы будут принуждать к разрешению данного противоречия и такие тенденции становятся все более явными. Несмотря на трудности, все чаще международные проблемы решаются на пути поиска компромиссов через переговоры. Но окончательно ситуация изменится только тогда, когда глобальная жизнь начнет рассматриваться с позиций модели социума как *тотальности*, включающей в себя отдельные страны, регионы, образования типа Евросоюза и др. как субтотальности, также вписывающиеся в общую модель. Необходимо придание базового значения в практической деятельности *принципам: онтико-онтологической дуальности, причинно-кондициональной самодетерминации, диверсизации, оптимальной сизигийности*⁵.

Первый требует учета двойственного, индивидуально-общественного характера человека и любых других социальных субъектов, *второй* – учета взаимосвязи внешних причинных действий субъектов социума с ответными скрытыми влияниями социума и природной среды на подсознание людей, *третий* - учета того, что любая часть тотальности в определенных условиях может разворачиваться в качестве самостоятельной субтотальности, *четвертый* - непрерывного поддержания оптимального гармоничного (сизигийного) взаимосоответствия между внешними причинными

---

⁴ Президент России В.В.Путин в своем выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 2013 г. не случайно охарактеризовал современную Россию словами философа К.Леонтьева как «цветущую сложность» - понятием, которое можно рассматривать как образное выражение тотальности.

⁵ См. Кизима В.В. Начала метафизики тотальности // Постнекклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв.ред. Л.П.Киященко и В.С.Степин. СПб: Издательский дом «Миръ», 2009. – с.71-137.

действиями субъектов социума и скрытыми ответными влияниями социума и природной среды на людей и их подсознание.

Переход к сизигийному образу жизни особенно важен тем, что автоматически упраздняет стихийную конкурентную и силовую стратегию, оставляя за силой роль возможного регулятора лишь в экстремальных ситуациях неоптимальной сизигийности и возврата ситуации в оптимальное сизигийное поле. Сизигийное управление определяет *сущность* нового образа жизни социума. Его последовательное использование делает невозможными кризисы и прочие катаклизмы, и, соответственно, изжившую себя пресловутую невидимую управляющую «руку рынка», поскольку в условиях сизигийного управления предпосылки аномальных состояний общества, через которые и действует эта «рука», *не должны успевать оформляться до критического уровня*.

Позитивные тенденции движения по пути взаимопонимания и взаимосогласования уже существуют и усиливаются в современном мире. Первым симптомом этого стали высказанные еще в конце XX в. идеи американских конфликтологов Р.Фишера и У.Юри в небольшой книге «Путь к согласию, или переговоры без поражения». Их позиция состояла в том, что выгодней строить деловые отношения не на основе понятий «победа», «поражение», «сила», а на взаимопонимании и поиске взаимовыгодных решений путем компромиссов и переговоров. Еще одним симптомом стал приобретший за короткое время широкую популярность доклад Римскому клубу Гюнтера Паули, опубликованный в виде книги «Синяя экономика» в начале XXI в. Его главной идеей, подкрепленной практическими предложениями, является использование природных ресурсов *без разрушения природы*, социальной энергии и инициатив *без разрушения общества*. Автор рассматривает этот путь как способный вывести социум из современного кризисного состояния.

Третье. Сизигийный механизм по-настоящему начнет работать как неумолимый закон только тогда, когда согласование явного и скрытого станет ведущим *в самом человеке*. Человек – истинный узел всех социальных связей и отношений, а это означает, что он должен стать главным объектом и главным субъектом общества, в котором обе эти ипостаси должны постоянно гармонизироваться, в том числе служить *непрерывным стимулом необходимых общественных изменений и ориентиром их направленности*. Характер и развитие экономики должны определяться не стихией рыночных индексов, а результатами постоянно проводимых *гуманитарных мониторингов и*

гуманитарних експертиз, виявляючих назревшие к данному моменту реальные економіческие, производственные и прочие потребности и проблемы людей и социальных групп, - всех, кого сегодня называют гражданским обществом. В соответствии с принципом причинно-кондициональной самодетерминации внешние действия людей в их повседневной практической и производственной жизни вызывают не только явные причинные действия и соответствующие им внешние следствия, а и меняют неявную жизнь среды как жизненных условий человека, и эти изменения, которые мы, как правило не учитываем из-за их скрытого характера, на самом деле неявно действуют на нас в форме изменения нашего подсознания. Оно не проходит бесследно, а «выходит наружу» в виде новых переживаний, потребностей, мотивов и желаний, которые влияют на выбор новых целей и на последующую нашу явную причинную жизнь. Данный рефлексивный процесс в обществе носит *объемный* характер и выступает как развертывающийся в многообразии и единстве процесс социогенеза как тоталогенез.

Очевидно, что наличие принципов тоталогенеза не означают неизменности общества, тем более стагнации его и человека. В этом случае стабильность имеет другой смысл: как *постоянная (непрерывная) гармонизация жизни людей, общества и природы*, осуществляющаяся в ходе удовлетворения в обществе естественным образом меняющихся потребностей людей и общества как целого.

В указанном русле должна развиваться и инноватика. Более того, она должна стать *ведущей тенденцией* в жизни нового общества. Пока что инновационный процесс хаотичен, превалирующей остается полная зависимость инноваций от внешних случайностей. Собственно *инновационный момент* сегодня связан преимущественно с привнесением открытий и изобретений в жизнь *со стороны*, а его успех и оптимальность сильно зависит от их характера, а также от степени возможности и органичности их включения в производственный или иной процесс. Реально такое следование за случайными открытиями и изобретениями не является позитивным. Это - нагромождение отдельных инноваций, каждая из которых, меняя какое-то звено, заставляет подстраивать под него другие звенья, перестраивать целое изнутри, т.е. разрушать его - процесс, который и имеет место сегодня. Истинным инновационным путем может быть только движение за счет возможностей, *открываемых в ходе самого инновационного движения* и гармонично вписывающихся в

соціальну і природну среду, а не «перемальовуючих» її в соціальні і природні відходи.

Такої процес має свої закони і принципи, урахунок яких дозволяє контролювати і направляти його оптимальним образом. Інакше говорячи, в існуючу сьогодні інноваційну технологію (якщо про таку взагалі можна говорити) слід внести в якості вихідного *принцип природності*. Згідно йому відкриття повинні вноситися в процес не ізвне, а *бути наслідком самої інноваційної ситуації і при розв'язанні завдань суспільства слідувати логіці її розвитку в відповідності з потребами і гармонізацією відносин людини, суспільства і природи*. Даний принцип не виключає радикальних трансформацій в суспільстві, але тільки в тому випадку, якщо вони виростають природним образом, ґрунтуються на вже накоплені явні можливості і стаються необхідними суспільству стратегічно для переходу на якісно новий рівень розвитку.

Що змінює такий підхід? Центром і рухомою силою інноваційного руху стаються не випадкові зовнішні обставини, диктуючі людині свої умови, а *сам людина* – що відповідає ідеї перетворення людини в ведучу силу суспільного життя. Опредмечиваючи народжені життєвою ситуацією ідеї в ході інноваційної діяльності, він одночасно розпредмечиває нові сторони і особливості реальності в своєму свідомості, що породжує нові потреби, ідеї і втягує нові дії по опредмечиванню. Такий процес предстает, *во-перших*, як дійсно неперервна інновація, *во-вторых*, не руйнує раніше досягнуте, а розвиває його в відповідності з його власною логікою і тому найбільш оптимально і ефективно, *в третьих*, людина в ньому – не механічний «внеситель» зовнішніх ідей, а його творчий джерело, ув'язуючий його попереднє стан з потрібним людині новим, вільно вибираємим їм в пропозиційному спектрі нових можливостей.

Інноваційний момент предстает в цьому випадку як переведення прихованих підсвідомісних потреб, накоплюючихся в свідомості учасників інноваційного руху в ході їх опредмечиваючої діяльності, в явний, усвідомлений і цілеспрямований процес в ході їх розпредмечивання. Нові зміни викликають із підсвідомості нові можливості, трансформуючіся в нові потреби, ідеї і реалізації, і процес йде все далі. Оскільки при такому механізмі нові ідеї безпосередньо і постійно пов'язані з ситуацією, а не привносяться в

нее «со стороны», инновация развивается не как ломка и хаос, а как *естественный и самоорганизующийся процесс*, а человек из состояния простого исполнителя переходит в центральное положение *истинного субъекта инновации*, постоянно осуществляющего нужный ему выбор. Для него главной проблемой становятся не открытия, которые можно «внедрить» в жизнь, а *выбор наиболее оптимальной новой перспективы из многих возможных*. Общая схема такова, что опредмечивающий момент деятельности неразрывно связан с распредмечивающим, а распредмечивание ведет к желаемому человеком и обществом новому способу опредмечивания.

Отдельно следует указать на существенно важный, центральной момент - *механизм связи сознательного и бессознательного в человеке* в ходе его деятельности. Прежде он почти не рассматривался в инновационном контексте. На самом деле именно данный механизм выводит проблему инноваций на уровень *метафизического анализа*, поскольку человек оказывается связанным *со всей полнотой бытия* и из частного инновационного компонента этой полноты перемещается в ее центр *как ее представитель*. Данная ситуация имеет принципиальное значение.

В истории подобные прецеденты со сменой центрального и периферийного положения человека уже были, и они всегда вели к мировоззренческим сдвигам в обществе. Н.Коперник, поменявший геоцентрический взгляд К.Птолемея на гелиоцентрический, заодно «сместил» и человека с центральной позиции на периферийную. Этим он предвосхитил принцип превалирования объекта над субъектом классической рациональности, который породил классическую науку. И.Кант в своем «коперниканском перевороте», сделал центром априорное знание человека, задающее внешнюю картину мира, тем самым предвосхитил неклассическую рациональность превалирования субъекта над объектом, появившуюся в начале XX века в неклассической науке и экзистенциальной философии. В этом ряду предлагаемое понимание опредмечивающе-распредмечивающей, одновременно субъектной и объектной роли человека можно считать *третьим коперниканским переворотом*, соответствующим *постнеклассическому* этапу развития знаний. Он является логичным и исторически назревшим, поскольку в сегодняшнем мире классическая и неклассическая позиции оказались односторонними и одинаково недостаточными и даже пагубными. Человек сегодня проявляет себя одновременно как активное существо-субъект, меняющее мир, и как часть этого же мира - объект, зависящая от него. Он реально и

повсеместно демонстрирует свою двойственную субъект-объектную постнеклассическую природу, с которой уже нельзя не считаться.

Такой новый взгляд влечет существенные *мировоззренческие последствия*, уже сегодня затрагивающие не только науку, а всю духовную, а с нею и материальную сферы. Наряду с пересмотром *научного* мировоззрения (абсолютизирующего онтический мир), он требует также нового взгляда *религиозного* (абсолютизирующего мир онтологический) и традиционного *философского* (до сих пор безуспешно пытавшегося внешним образом соединить эти миры путем редукций одного из них к другому) знаний и фактически *ведет религию, науку и философию к синтезу*. Иначе говоря, речь идет о радикальной метафизической и мировоззренческой **трансформации всего общественного сознания**, позволяющей увидеть и *само бытие* под новым углом зрения – как многообразие, сочетаемое с единством в постоянном процессе их взаимного обновления, т.е. как *тоталогенез и тоталогенез*. Разнообразные формы бытия, включая общество и самого человека, являются в этом случае субтотальными формами проявления бытия, несущими в себе всю информацию о нем .

В этих условиях наиболее адекватным пониманием *процессов инновации*, осуществляемых человеком, является взгляд на них как на тоталогенез. Он затрагивает не только внешние формы жизни, а и предельно глубинные, скрытые механизмы, соединяющие в обществе и самом человеке бездны бытия с индивидуальными их проявлениями в человеческой практике в виде постоянного согласования сознательного и бессознательного моментов в ней⁶. С этих новых метафизических позиций далее и рассматривается сущность инноваций.

I. Инновации и бытие

Из сказанного во Введении следует, что инновационным процессом является *обнаружение ранее скрытых возможностей и их практическое явное использование, не нарушающее гармонии явного и скрытого*. Инновации не берутся из ничего, в каждой форме бытия заложены потенции, которые могут быть их предметом и любой целостный реальный объект может быть объектом инноваций. Но для этого субъект-инноватор должен кое-что знать не только о конкретной

---

⁶ См. Кизима В.В. Бытие как тотальность. Современная философская картина мира и ее приложения //Totallogy-XXI. Постнеклассичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України, - № 27, 2012. – с.71-189.

інноваційної ситуації, а і об загальної природі будь-якого об'єкта інновації, о характері і повноті його прихованих можливостей, їх структурі і о інших властивостях, а також об загальних закономірностях інноваційної діяльності і механізмах її оптимізації. Спеціалісти по інноватикі не повинні рости самі по собі як гриби після дощу, їх необхідно цілеспрямовано і систематично готувати на основі метафізическої концепції інновацій.

Ісходний її пункт складає в тому, що будь-який об'єкт інновацій має подвійну природу - як існуючий явно, в актуальному вигляді, а також як несучий приховані можливості інших актуалізацій, які цікавлять суб'єкта інновацій заздалегідь. В першому випадку об'єкт очевидний своїм зовнішнім явним присутством як самостійний субстратний індивід-монада і зовнішніми причинними зв'язками з іншими подібними об'єктами-монадами. Во другому - він виступає як носитель множини прихованих в ньому можливостей, виступає як *амер* (ще-не-буття). Це стосується і к самому людині, який також має свою америческу природу, приймає участь в інноваційному процесі. Більше того, саме вона є безпосереднім джерелом інновацій, але до сих пор не була центром уваги дослідників, в результаті чого тема інновацій, незважаючи на її зовнішню популярність в суспільстві, концептуально розроблена слабо.

Америческа природа речей і людини не проста для розуміння. Так новонароджений існує актуально як немовля, і приховано як людський амер, оскільки несе невикористані можливості всієї своєї подальшої життя, о яких в даний момент нічого невідомо. В різних життєвих умовах вони здатні проявлятися по-різному або навіть не проявлятися взагалі. В цьому сенсі людина як ціле завжди існує як *дуальність* явного і прихованого, а в ході інновацій є *не тільки суб'єктом, а і об'єктом* інновацій, його життя виступає як стихійний інноваційний процес, в якому явне і приховане переходять одне в одне. Це особливо очевидно, наприклад, в випадку участі його в освітніх або творчих ситуаціях, де в людському свідомості здійснюється процес постійної циркуляції між явним і прихованим, що відображається на зовнішньому поведінці людини і самозалежний від нього. Такою ж дуальністю володіє і будь-яка річ і тому також може розглядатися як об'єкт інновацій.

Таким чином, інновація - це не створення чогось раніше відсутнього в людині або предметі, а реалізація вже існуючих в них в америческому вигляді можливостей як

способностей к определенному рода внешним действиям при определенных условиях. А инновационное преобразование выступает как целенаправленный *перевод амерического состояния в явное*. Подобные преобразования могут быть более или менее глубокими в зависимости от того, какой уровень возможностей выводится в актуальное состояние. Они могут приводить как к несущественным изменениям вещи, не заслуживающим названия инновации, так и к ее глубинным трансформациям, метаморфозам, называемым превращениями, в результате которых вещь может восприниматься как качественно новая форма бытия с иным субстратом и новой базовой онтологической основой.

История формирования любой вещи есть процесс прохождения ею разных онтологий бытия и заложена в ней как разные онтические уровни ее строения, подобно тому, как филогенез живого организма в скелетном виде отражен в онтогенезе его зародыша в ходе развития последнего от признаков соответствующего типа к признакам рода, вида и самой данной особи (биогенетический закон Геккеля-Мюллера). Иначе говоря, онтика вещи есть не что иное, как результат формирования вещи в разных онтологических условиях, и потому вещь в своей неповторимости сочетает в себе множество онтических обличей, за каждым из которых скрывается своя онтология жизни. Каждая вещь одновременно *полионтична* и *полионтологична*. Этим определяется возможность ее явного пребывания в контекстах разных онтологических уровней бытия в качестве разной также и в онтическом плане. Один и тот же человек в разных онтологических ситуациях ведет себя как разный субъект – на работе как специалист, на улице как пешеход, в магазине как покупатель и т.д. При этом в нем помимо социальных заложены также и более глубокие и широкие природные - физико-химические, информационно-энергетические, биологические и иные возможности. С ними всеми непосредственно связаны не только свобода его поведения в разных средах, а и его инновационные способности. Чем более глубокие онтические уровни человека и соответствующие онтологические условия его жизни могут быть задействованы в его деятельности, тем больше его инновационные возможности и тем больше его свобода.

Теоретически, будучи полионтичным и полионтологическим существом, человек имеет неисчерпаемые возможности в своем инновационном отношении к миру. *Метафизику* инноваций следует строить, начиная с самых глубоких онтических уровней человека и, соответственно, с предельных онтологических уровней бытия, в которых они могут проявляться. В этом случае проявление

полионтизма человека и полионтологизма бытия будут учтены во всей полноте и картина инновационных возможностей человека обретет законченный вид. В данной работе осуществляется именно такой предельный подход, в связи с чем потребовалось уточнить и конкретизировать ряд прежних представлений как о человеке, так и о самом бытии, дополнить их новыми и привести первые и вторые во взаимное соответствие.

Бытие как меон и источник инноваций

Самым глубоким онтологическим уровнем, являющимся основой всех форм бытия, в том числе человека, является *бытие как таковое*. Данный уровень теоретически открывает возможности моделирования самых радикальных инновационных действий человека, связанных с использованием универсальных механизмов бытования. Но для возможности практического осуществления указанного моделирования данные механизмы должны быть предварительно выявлены. В связи с этим рассмотрим «бытие как таковое» с позиций его строения и процессуальности, двигаясь от этой исходной онтологии (бытия как такового) к онтологиям природы, общества и нашей повседневной деятельности на уровне отношений сознательного и бессознательного.

Бытие - *все, что существует*, - предстает двояко: как единство и взаимопереходы *явного* и *скрытого* в нем, т.е. как постоянный инновационный процесс. Поэтому в нем можно выделить два мира – мир *неявный* и мир *явный*. Уже начиная с ведических традиций, за явным миром вещей усматривалось нечто неявное, способное их породить. Неявное понималось как необычное по своим свойствам онтологическое состояние всего сущего, но не тождественное сущему, а выступающее по отношению к нему и его индивидуальным проявлениям как *полная неопределенность*. Древние индийцы впервые попытались в Ригведе описать и осознать изначальное состояние бытия, в котором не было ни сущего, ни не-сущего, ни смерти ни бессмертия, ни ночи ни дня. Мы будем использовать для обозначения этого состояния более позднее древнегреческое понятие *меон*. В меоне соединены воедино все противоположности – прерывное и непрерывное, конечное и бесконечное, сущность и явление, количество и качество, возможность и действительность, необходимость и случайность, единство и многообразие и т.д. Необычность меона состоит в том, что в нем нет привычного для нас вещественного субстрата и связанных с ним вещей, в нем нет ничего

из явного мира, но вместе с тем в нем *в качестве возможности есть все*. Поэтому к нему как *истинному* всегда сводили явные, но частные формы бытия, как нечто временное, призрачное и неистинное. Отношения меона и частных форм его проявления имеют свои непростые особенности, в которых следует разобраться.

Мы исходим из того, что меон – не образное или мифологическое понятие, а действительная, но неявная реальность, постоянно присутствующая и служащая основанием всего явного мира. Меон и должен быть исходным пунктом анализа абсолютной природы инновационных процессов, поскольку в нем заключены все возможности бытия, из него все появляется и в него все уходит, подобно тому, как в физическом мире обладающие массой элементарные частицы и античастицы аннигилируя, «исчезают» в фотонах, которые не имеют массы покоя, но из фотонов же они могут и рождаться. Вопрос о том, можно ли считать проявлениями меона фотоны или возникающие при аннигиляции нуклонов и антинуклонов нейтрино, уносящие половину энергии и практически не взаимодействующие с веществом, - это отдельный и конкретный вопрос, требующий непосредственно физического анализа. Мы не будем его касаться именно из-за его конкретности. Для нашего анализа важно то, что порождаемые меоном вещи образуют мир противоположных отношений явного и неявного, единичного и общего, необходимости и случайности и др. и, с одной стороны, этим создается разнообразие явного мира, с другой, его компоненты обречены двигаться к своему исчезновению, «аннигилировать» в исходное меоническое состояние. Весь вопрос в том, когда именно и в какой форме это произойдет и произойдет ли вообще, поскольку справедливое для конкретной вещи может оказаться несправедливым для мира во всей его полноте. Теоретически с частицей и античастицей это происходит сразу, как только они сталкиваются, а с человеком – когда его внутренняя жизнь в ходе его возрастной деградации уравнивается с внешней. А вся вещественная материя придет к исчезновению, когда произойдет ее контакт с антиматерией, предположения о существовании которой существуют, и произойдет их аннигиляция. Но практически противоречивость может оказаться сущностью бытия, предполагаемой самой его полнотой, и в этом случае имеет место ее постоянное и органичное присутствие, несмотря на постоянную ее изменчивость.

В связи с этим, поскольку скрытое бытие как меон порождает все явное и являет собой исходный источник инноваций вселенского

характера, сфокусованим на ньому увага перш за все як на особливій специфічній реальності.

Можливо сказати про неї щось більш визначене, ніж уже сказано в історії філософської думки, де буття: отождествлялось з усім існуючим як незмінним (Парменід), вважалося позачасним (в відмінності від становлення наявного світу), відрізнялось від порожнечі (ніщо), яка, однак, пронизує його (Демокрит), розглядалось як те, що може переходити в небуття (Платон), розділялось на потенціальне і актуальне буття (Аристотель), просто вважалося тим, що *єсть* (М.Хайдеггер)?

Будемо виходити з того, що особливості меона, навіть і приховані для нас, але реальні, можуть всі ж аналізуватися нами за їх *опосередкованими зовнішніми проявленнями*, які завжди несуть про них інформацію хоча й косвенно, але реальним чином. Важливо тільки, щоб вона була прочитана адекватно і дозволяла скласти, навіть і гіпотетичне, але відповідне «строєнню» прихованого меонічного світу представлення, а також зрозуміти механізм породження ним світу явного, з яким людина безпосередньо має справу.

Використовуючи сучасні поняття, можна гіпотетично, але з високою долею ймовірності стверджувати наступне.

1. Меон, як вічна субстанція своїх форм, володіє *сверхвисокою енергією*, оскільки здатний не тільки породжувати нові форми, а й, поглинаючи старі, руйнувати їх будь-якою мірою, якою б вона ні була, навіть до визначеної відомими нам внутрішніми силами⁷.
2. Меон у своїй невизначеності *єдиний*, але *багатобликий* у своїх *можливостях*, оскільки може породжувати *різні* форми явного світу.
3. У своїй невизначеності він *незмінний*, т.е. перебуває *поза часом*, і одночасно *постійно змінюється в часі*, оскільки

---

⁷ Виходячи з сучасних наукових даних, як можливого претендента на роль меона можна вважати космічний вакуум. А.Д.Чернін в анотації до своєї статті «Космічний вакуум» (Успіхи фізических наук, том 171, №11, листопад 2001) в частині пише: «Недавні спостережливі дослідження далеких вибухів надзвичайних зірок вказують на наявність у Всесвіті космічного вакуума, густина енергії якого перевищує густину всіх інших форм космічної енергії разом взятих. Вакуум створює поле антигравітації, яке викликає прискорення космологічного розширення. Це прискорення було виявлено в спостереженнях»

иначе не мог бы порождать эти формы в ущерб своему постоянству. Это возможно только если жизнь меона в себе осуществляется в виде *многообразных* меонических *движений*, образующих *единое, но разнообразное в себе и постоянно осуществляемое* общее движение. При этом, различные движения в нем не независимы, а реализуются в форме *взаимопересечений, взаимоналожений, взаимопроникновений*, иначе меон бы распался на части и не был бы единым.

4. Пересечение движений способно порождать *выделенные из меонического фона* отдельные образования - «точки пересечения» или «сгущения», которые хотя и порождены разными движениями, но уже не принадлежат до конца ни одному из них, ведут себя как особые *формы бытия – меонические «узлы»*, выделяющиеся из неявного меонического фона как нечто *локальное* в нем и потому *явное*. Других механизмов порождать явные формы в описанных условиях не существует.

5. Меонические потоки-движения в общей им всем неопределенности *содержат индивидуальные различия*, иначе порождаемые их пересечением «узлы»-формы были бы однородны с ними и сливались с фоном, т.е. отсутствовали бы как локальные, явные реальности. Но указанные различия состоят не в различии их меонической природы (она едина для меона), а в *способе проявления* этой общей природы – в *степени энергетичности разных меонических потоков*. Таким образом, меонический мир в своем единстве разделен в себе энергетическими проявлениями меонических частей-потоков.

Исходя из указанных свойств меона, можно говорить о его *строении* как о таком, в котором перечисленные свойства являются *взаимно совместимыми*. Отсюда следует, что, *во-первых*, учитывая его постоянную высокую, но дифференцированную энергетичность, можно говорить о наличии в меоне поля энергетической напряженности, имеющего в каждой меонической «точке» определенный энергетический потенциал. Иначе говоря, *меон структурирован* в разных местах *по энергетическому потенциалу*, поэтому *энергия* может рассматриваться как один из его универсальных параметров. *Во-вторых*, логично далее допустить, что меонические потоки движутся между местами, имеющими разные энергетические потенциалы, что можно рассматривать как наличие в меоне энергетического ландшафта, в общем случае постоянно меняющегося. Конкретная картина меонических потоков и их пересечений соответствует *энергетической* картине меона, а ее упорядоченность носит характер *информационно-энергетического кода* меона. Информационно-энергетическая картина меона является

его важной интегральной характеристикой, а **информация** выступает как его второй универсальный параметр наряду с энергией.

Однако этим дело не ограничивается. Специфика меона позволяет говорить также о возможности зарождения в нем иного мира, отличающегося от него своей дискретностью, а значит определенностью, – мира явного. Бытие, как отмечено выше, не исчерпывается миром неявным, меоническим. Меон порождает также мир явный, который включает в себя индивидуальные формы, - *мир вещей*. Назовем его **субстратным миром**. Субстратные формы бытия также относятся к бытию, но уже как его актуализированные проявления. Здесь - корень тех инновационных процессов меонического бытия, на основе которых существуют более привычные человеку инновации, связанные с субстратностью и его собственной деятельностью. Именно в ходе порождения субстратных форм бытия из меонического состояния реализуется *глубинный постоянный инновационный процесс, происходящий в бытии*. Чтобы понять не только механизм перехода неявного в явное в человеческой деятельности, а и картину самого бытия во всей ее полноте, рассмотрим подробнее дифференциацию бытия на явное и неявное.

Формирование субстратного мира

Как из меона возникают субстратные формы? Данный процесс имеет *два этапа*.

1. На *первом* осуществляется порождение вещей явного мира. Здесь важнейшую роль играют энергетические точки пересечения («узлы») меонических потоков, которые создают локальные динамичные образования на общем фоне меона. Они обладают определенной устойчивостью за счет устойчивости образующих их потоков и распадаются при изменениях этих потоков. Но есть более редкие случаи, когда несколько энергетических точек пересечения соединяются в более сложное относительно самостоятельное образование, либо сама точка пересечения обладает способностью распадаться на субсостояния, способные взаимодействовать друг с другом и поддерживать друг друга в автономном режиме. В сложившихся внешних меонических условиях подобные усложненные образования выделяются из общего меонического фона как *предформы* явного бытия – *первичные амеры*. Амеры - еще не полноценные явные формы-вещи, поскольку существуют только пока сохраняются пересечения породивших их потоков и исчезают при нарушении характера этих пересечений. Они несамодостаточны в том

смысле, что *не отделены от потоков меонической среды* в качестве самостоятельной актуализированной индивидуальности, полностью зависят от их пересечения, связаны с местами пересечения и не могут свободно менять эти места в меоническом пространстве. Когда пересечение иссякает, первичный амер распадается. При всем том, наличие меняющегося общего массива таких амеров важно, потому что он создает непосредственные предпосылки порождения вещей – *второго этапа*.

2. *Второй этап* наступает, когда в пределах устойчивой ситуации возникают несколько или *комплекс амеров*, которые могут образовывать свою собственную связанную меонически локализованную систему, в которой устанавливаются *связи между самими амерами* как *самостоятельными монадами* в виде *внешних* по отношению к ним *причинных* отношений, энергетически более весомых, чем меамерические внутренние связи. Приобретение ими устойчивого характера означает формирование *внутреннего стабильного механизма* самосохранения разноамериканского комплекса. По мере усиления его внутренних стабилизационных возможностей самосохранения он все меньше зависит от образовавших его меонических потоков (хотя и предполагает их существование как американского континуума вообще) и их неустойчивости и становится подвижным в общей меонической среде. Роль ландшафтности меонического фона перестает быть решающей, хотя он по-прежнему необходим. По отношению к возникшим причинным отношениям он начинает играть роль *скрытых условий*. Комплекс амеров, связанных причинными энергетическими связями, обретает самостоятельное значение как явное уже *субстратное образование*, выделившееся из скрытого меонического фона, способное причинно взаимодействовать с другими подобными субстратными образованиями. Данный комплекс вступает в *субстратный мир* как его полноценный фрагмент.

Так формируется субстратный мир, который поддерживается на основе скрытого меонического мира как мир явных форм, способных жить самостоятельной *явной* жизнью. Они связаны причинными отношениями и способны существовать как в свободном состоянии, так и образовывать устойчивые явные субстратно-причинные системы - *генерологии*. Образующие генерологических систем - устойчивые формы–вещи - выступают как их *дискреты*. Дискреты двойственны в том отношении, что, оставаясь частью скрытого меона (будучи *парсами*) и испытывая его скрыто-меоническое влияние изнутри, в то же время обладают внешней индивидуальной автономностью, как

монады взаимодействуют друг с другом причинным образом. Иначе говоря, дискреты имеют *монадно-парсическую* (*mp-*) природу, а генерологии, состоящие из дискретов и их отношений имеют, соответственно, природу *парсически-генерологическую* (*pg-*). Наличие в неявном меоне явной монадно-генерологической части означает, что на самом деле бытие не только скрыто в своей меоничности, ее энергетичности и информативности, а и в явном виде *mp-*дискретности и *pg-*генерологичности и причинности.

Универсальным параметром явного бытия является **субстратность**. Появлением субстратности завершается цикл порождения единым меоном множества явных вещей и их устойчивых генерологических отношений. Можно строить разные предположения относительно конкретных первичных субстратных компонентов⁸. Нам, в данном случае важно другое - в связи с обоснованием реальности субстрата вырисовывается общая картина бытия, которую уже можно представить.

Общая модель бытия и его универсальные параметры

Рассмотренные составные части бытия в реальности присутствуют одновременно и составляют общую ***картину-модель бытия***, характеризующуюся своими характеристиками - ***универсальными параметрами бытия***. Из вышесказанного следует, что данная модель включает в себя:

1. неопределенную в своем бытии-небытии неявную всеприсутствующую меоническую субстанциальную основу - *меон*, порождающую и поглощающую амерические и субстратные формы бытия. Параметр меона – ***энергия***, существующая в форме меняющегося энергетического поточного ландшафта;
2. мир явных субстратных дискретно-генерологических форм, возникающих за счет объединения амерических состояний в самодостаточные устойчивые формы и существующие за счет гармонизированного отношения явных причинных отношений дискретов как монад и неявных этих же дискретов как парсов. Параметр этого мира – ***субстратность***;

---

⁸ С определенной долей условности можно допустить, что формирующиеся из меона амеры, способные затем превращаться в дискреты субстратных форм, в физическом смысле являются обнаруженными в последнее время частицами Хиггса.

3. к названным компонентам бытия добавляются меонические информационно-энергетические влияния на все происходящие в бытии процессы в качестве носителей *кодов ландшафтного строения* меонического бытия, и организующие эти процессы в соответствии с указанными кодами. Данные влияния несут печать энергетической ландшафтности меона, которая играет структурирующую и организующую роль по отношению к процессам америзации, а также генерологизации. Параметром указанной энергетической ландшафтности является *информация*;

4. указанные выше параметры связаны с общими им процессами, которые обладают общим качеством *рефлексивности*. Рефлексивность состоит в том, что субстратные процессы явного мира, подчиняясь причинным действиям, увлекают собой и глубинные амерически-меонические отношения своей основы, влияя тем самым на структуру-код меонического мира, частью которого эти отношения являются. В результате, меонические влияния несут информацию не просто об энергетической структуре меона, а и об ее изменениях *в соответствии с процессами субстратного мира*. Данные изменения сказываются информационно-энергетически на последующем формировании самих меонических амеров и формирующихся из них субстратных дискретов явного мира.

Таким образом, меонические кодирующие влияния сказываются *снизу* на процессах, связанных с субстратными преобразованиями явного мира *сверху*, и сами реагируют на обратное влияние этих верхних влияний изменением своего информационно-энергетического кода. А субстратные миры, живущие самостоятельной и внешне отлаженной причинной жизнью, испытывают глубинные меонические влияния, которые несут скрытую информацию обо всем, что происходит в бытии как явном, так и неявном.

Так осуществляется *информационно-энергетический рефлексивный процесс*, связывающий по разным каналам субстратную жизнь бытия с меонической (поскольку изменения в субстратном мире сказываются на меоне, формами бытия которого субстратные вещи и отношения являются) и меоническую жизнь с субстратной (поскольку меонический информационно-энергетический код закладывается в амеры, превращающиеся затем в вещи субстратного мира).

Интегральным параметром, характеризующим данную циклическую рефлексивность, является отношение генерологической упорядоченности явного субстратного мира к информационно-энергетическому коду мира меонического. Этот параметр можно обозначить как *сизигию*. Параметр сизигии характеризует

взаимодействие и взаимосоответствие меонического мира и субстратного. Поскольку меонический код из-за постоянной изменчивости более подвижен по отношению к генерологическим порядкам субстратного мира, он играет по отношению к их упорядоченности роль парсических условий, расшатывающих данные порядки и играющих по отношению к ним роль хаоса. Отношение их показателей предстает как мера большего или меньшего сизигийного соответствия их друг другу. Кратко это можно записать как: $S=Ng/Np$, где S – сизигия, Ng – выраженная в процентах мера упорядоченности субстратной генерологии, Np – мера ее хаотичности, вызванная влиянием меонической парсики. Значение сизигийного соответствия может принимать разные значения, характеризующие разную степень гармонии субстратного и меонического миров, при условии, что $Ng+Np=100\%$.

К трем указанным структурным субмирам бытия – меоническому, субстратному, информационно-энергетическому - можно добавить мерцающий в своем возникающе-исчезающем промежуточном и связывающем все три указанных мира состоянии *мир амерических состояний*. Как можно предположить из современных космологических представлений, он образует самостоятельный внушительный слой между мирами меоническим и субстратным. Прямая и обратная связь меонического и субстратного миров через соответствующие разноканальные потоки информационно-энергетических влияний осуществляются *именно через амерический мир* – в одну сторону от меона к субстратам, в другую – от субстрата к меону.

Итак, ***строение бытия включает три главных мира***: 1. скрытый мир меонический, главным параметром которого является энергия (Э); 2. явный мир субстратный, главный его параметр – субстратность (С); 3. неявный мир информационно-энергетического влияния, его главный параметр – информация (И), а также мир амерических состояний, связывающий указанные три. Жизнь бытия проходит как постоянный ***процесс СЭИ-трансформаций***, в ходе которых одновременно идут процессы перехода меона в субстратность и субстратности в меон, а также процессы в самих меоническом, информационно-энергетическом и субстратном мирах. Общей ***мерой, характеризующей состояние бытия, является Сизигия***. На этом понятии следует остановиться подробнее. Но сначала уделим внимание введенным гипотетически парсическим влияниям меона. Покажем, что за ними стоит объективная реальность и они могут и должны стать предметом целенаправленного изучения и практического использования.

Парсические влияния меона: практические наблюдения

Обнаружить реальность парсических влияний можно, учитывая специфику их возможного проявления. Особенность парсических влияний меона состоит в том, что они влияют на вещи не как на целые, т.е. не причинно, а *на их скрытое глубинное содержание*, поскольку *присутствуют везде*, и идут от всего меона, а не от его части. Это означает, что в каждом явном объекте меон представлен информационно *полным* образом, но только *на самых глубинных основаниях* данного объекта, где он оказывается меонически связанным с другими объектами *непосредственно*. Поэтому парсическое влияние не сказывается непосредственно на поведении объекта в его внешних причинных отношениях с другими объектами, оно может изменять только глубинные внутренние процессы целого и лишь косвенно, в форме «неизвестно откуда взявшихся» случайностей и неожиданностей выявляться во вне. Поэтому, хотя явный мир живет причинной жизнью, а скрытый - парсической, они могут сосуществовать. Поскольку объект может быть связан с разными уровнями скрытого, причинное на одном уровне может оказываться парсическим на других и наоборот. Поэтому различие причинного и парсического имеет место только в их взаимном отношении друг к другу в конкретной реальной ситуации.

Однако и при этом их различие как таковых является относительным, что сказывается при изменении ситуации. Взаимодействие между ними становится возможно в процессах, где граница между ними размывается по мере возрастания роли случайностей и нестабильностей, связанных с глубинными парсическими влияниями, способными своими действиями «подрывать целое изнутри». В результате этого целые формы субстратного мира могут меняться и испытывать распад, а внутренние процессы могут не только оставаться скрытыми, а и вызывать *подающиеся фиксации внешние* эффекты, несущие информацию о парсических влияниях.

Можно ли сказать что-либо более конкретное об этих эффектах? Поскольку энергетически скрытые парсические влияния во внешних процессах могут проявляться в основном как несущественные и незначительные искажения внешних причинных воздействий, непосредственное изучение парсических влияний возможно через поиски и изучение этих необъяснимых с причинной точки зрения

искажений. Они носят характер тонких эффектов, чаще всего не замечаемых нами на фоне гораздо более мощных в энергетическом смысле причинных отношений. Из этого и следует исходить, реализуя практические доказательства реальности парсических влияний. Об их реальности могут свидетельствовать незначительные, но *аномальные* отклонения от ожидавшихся результатов причинных действий. Именно эти аномалии зависят от специфики породившего их парсического мира и потому *выделяются* в общей информационной причинной картине, несут «метку» парсичности, которая может фиксироваться внешним образом.

В таком случае при обнаружении парсических феноменов можно говорить о *специфической методологии* – обращении к работе с *инородными, аномальными, необычными на фоне стандартных ситуаций феноменами*. Разделом метафизики тотальности, занятым разработкой методов обнаружения и изучения парсических влияний и их результатов, является *парсология*. Фактически в ее задачи входит и раскрытие всего загадочного и необычного, с чем люди сталкиваются на протяжении всей своей истории, что оказывается теперь непосредственно важным и перспективным делом и для нашей «обычной», явной, причинной жизни, на которой парсические влияния всегда оставляют «следы». И хотя они не нарушают принцип причинности, но способны вносить отклонения в сам характер причинения. К таким «следам» относится, например, характер разброса результатов в серии действий одной и той же причины в «тех же» условиях; в другом случае – всегда присутствующее в нашей деятельности отклонение результата от цели, поскольку результат всегда несет следы не только нашей целевой причинной деятельности, а и «посторонних» парсических влияний среды, которые всегда имеют место и устранить которые невозможно. К.Поппер впервые попытался разобраться в подобном вопросе, посвятив много лет попытке разобраться в вероятностном характере квантовой механики, для чего ввел наряду с причинной детерминацией идею т.н. «напередданности» влияний условий на микропроцессы, связывая именно с условиями неоднозначные поведения микрочастиц. Его можно в данном случае считать предтечей парсического анализа.

Сегодня можно сказать больше: если в отклонениях результатов одних и тех же причинных действий от однозначного значения действительно «повинны» парсические влияния, то фиксируемые нами отклонения, *во-первых, явным образом указывают на переход скрытых влияний в явные*, и, *во-вторых*, при достаточно большом массиве полученной информации эти данные могут далее

дифференцироваться по группам, *фиксирующим разные по типу парсические влияния*, изучение которых далее может проводиться отдельно и целенаправленно.

Существуют разные методы изучения парсических влияний, ими занимается парсология. В качестве примера можно привести один из разработанных в последнее время новых, описанных И.Магафуровым⁹. Опираясь на него можно сделать вывод о реальном наличии в мире еще не известных нам парсических влияний. Об этом свидетельствует анализ больших массивов статистических данных, полученных недавно в ряде экспериментальных серий Автор цитируемой работы, проанализировав результаты, полученные в течение длительного времени с помощью рулетки, пришел к ряду неожиданных выводов. Одним из главных является заключение о том, что результаты *случайных* испытаний, если их внимательно проанализировать, максимально учитывая число знаков «после запятой», а не ограничиваться только средними величинами, на самом деле оказываются *неслучайными*, они подчиняются определенным закономерностям. В таком случае традиционное вероятностное описание изученных последовательностей данных оказывается неполным. Более того, наши *представления о случайном неверны в корне*, поскольку в последовательности «случайных» чисел обнаруживается повышенное по сравнению с теорией число самоповторов фрагментов одних и тех же чисел. Как пишет И.Магафуров, в больших массивах данных «огромные фрагменты последовательностей повторяются с редкой точностью. Увидеть такое и по-прежнему ограничиться языком теории вероятности – не думаю, что это возможно» (с.222). Он отмечает также, что «понятие вероятности может быть введено лишь с ограничениями, например, на среднее», «предсказания теории вероятности хорошо работают для средних значений, в тех случаях, когда как говорят «большая статистика»»(с.221). Иначе говоря, добавим мы, самое необычное и интересное содержится не в средних величинах, а в отклонениях от средних значений, которые определяются не причинным фактором, определяющим среднюю величину, а качественно другими, парсическими. До сих пор ими как правило пренебрегают при обработке статистических данных, поскольку они составляют *малую долю* по сравнению со средними значениями. Но оказывается именно в них и содержится *информация о скрытых влияниях*, которые средняя величина не фиксирует. Опыты И.Магафурова и их результаты

---

⁹ И.Магафуров. Скрытая структура хаоса. – М., 2010. – 259с.

непосредственно свидетельствуют о реальности парсических влияний, идущих из скрытых глубин и влияющих на традиционную статическую картину аномальным образом.

Помимо этого примера можно вспомнить и феномен так называемого фликкер-шума, вскользь упоминаемого в книге И.Магафурова. Он обнаруживается в самых разных областях реальности как аномальная флуктуация по отношению к традиционному «белому шуму». Белый шум - это сигнал, который имеет одинаковую мощность в одинаковой полосе частот в любой части диапазона. Примером может служить шум включенного, но не настроенного на определенную станцию телевизора или приемника. Фликкер-эффект обнаруживается как в микропроцессах, так и в макроявлениях, в биологических и социальных системах, в связи с землетрясениями и др., что говорит о его универсальном характере и поэтому может рассматриваться как результат парсических влияний. В интернете можно найти разнообразную информацию об этом феномене. В.Жвирблис в статье «Загадка фликкер-шума» ссылается на гипотезу, согласно которой фликкер-шум присутствует в любых системах, которые находятся *вдали от равновесия*, а к таким системам относится Солнце и Земля со всем ее космическим окружением, и живая клетка и электронная система. Есть также гипотеза о стохастическом характере этого шума, отмечаемого в явлениях турбулентности в потоке жидкости или газа, в неустойчивом режиме работы химического реактора, в сердечной аритмии. В.Жвирблис допускает также, что фликкер-шум является результатом «какого-то внешнего воздействия на систему, хотя при этом остается без ответа главный вопрос – откуда берется это воздействие». Ответ на этот «главный вопрос» на самом деле существует: истоком этих воздействий являются парсические влияния.

М.Герценштейн, дополняя статью В.Жвирблиса в комментарии «Еще немного о шумах», рассматривает фликкер-шум на примере радиотехнических устройств. В их работе этот шум обнаруживается как избыточный низкочастотный шум, ограничивающий точность выполняемых с их помощью измерений. Автор пишет, что природа этих шумов неясна, как отмечают сами физики, само их существование – вызов современной физике. Из-за них сопротивление полупроводников медленно флуктуирует в одну или другую сторону, а почему – неизвестно. Флуктуации сопротивления происходят *в девятом знаке после запятой*, если среднее сопротивление образца взять за единицу. Мощность фликкерного шума обратно пропорциональна частоте, т.е. он гораздо более *инерционен*, чем

движения зарядов в маленьком образце. При этом *в совершенно разных физических объектах спектр шума оказывается одним и тем же*. Если в физике колебания и волны разной природы (механические, электрические в контуре генератора, колебания атомов в молекуле) описываются одинаковыми уравнениями, то фликкерные колебания *не попадают в их число*. Если допустить, что их источник имеет космическое происхождение, то ни одно из сегодня известных четырех взаимодействия (сильное, электромагнитное, слабое, гравитационное) для этого не подходят.

По признакам, указанным В.Жвирблисом и М.Герценштейном (проявление фликкер-шума в *неравновесных* состояниях, причем в объектах *любой природы* и масштабов, *слабый характер проявления* фликкер-флуктуаций («в девятом знаке после запятой»), *отсутствие его корреляций* с известными другими флуктуациями, *отсутствие адекватных методов его описания*, неясность с его *происхождением и его источниками*, несовпадение его природы с известными сегодня типами взаимодействия и воздействия), - все это свидетельствует о том, что фликкерный шум вполне может быть интерпретирован как *результат парсических влияний и имеет меоническое происхождение*.

Поэтому, обобщая, можно сказать, что каждая вещь на самом ее глубококом меоническом уровне неразрывно связана с меоническим миром как его часть и испытывает его информационно-энергетическое *парсическое влияние*. А на уровне субстратном она участвует во внешней явной *причинной* жизни отношений с другими вещами как монада с монадами. Если причинное влияние нам хорошо известно, то парсическое требуют еще специального рассмотрения. Пока ясно одно - эти два влияния способны «уживаться», не мешая друг другу потому, что в энергетическом отношении парсические меонические влияния на вещь гораздо слабее, чем внешние причинные, и их действия заметны только на «микроуровнях» вещи. Т.е. сферы их главного влияния разнесены и не совпадают. Обнаружить парсические влияния меона можно в явном мире, только обрабатывая большие серии одних и тех же (с точки зрения причинных условий) явных событий, например получения массива результатов при повторении одних и тех же измерений или получении одних и тех же результатов. Отклонения, связанные с не причинными, парсическими влияниями, отличаются от случайных отклонений, которые связаны с ошибками измерений, с неучетом всех причинных влияний, и которые обычно носят симметричный характер. В отличие от них результаты парсических влияний имеют «аномальные» упорядоченности, которые не могут быть случайными, поскольку не укладываются в требования теории

вероятности. Именно они *могут служить средством для изучения особенностей парсических влияний и самого меонического мира*, и для лучшего понимания окружающего нас мира явного. В частности, тех аномальных явлений, которые человек наблюдал с незапамятных времен.

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют *о реальности и универсальности проявлений парсических процессов и о возможности их изучать*. Помимо подтверждения реальности парсических влияний, этот вывод может помочь в систематизации исследований и открытий нового. Работа по выявлению скрытых влияний и их изучению может и должна носить систематический характер. Ее можно рассматривать как деятельность по целенаправленному изучению парсики объективного мира и как важное направление *парсологических исследований*, в которых используются новые методы обнаружения парсических влияний разного уровня. Использование возможностей меонического мира приведет к овладению любыми трансформациями и превращениями, когда глубинные инновации станут повседневной жизнью.

II. Сизигия - фактор гармонизации бытия

Сизигийный механизм возник вместе с формированием субстратного мира на базе перехода меонического основания в америческую ситуацию, когда возникают вещи и генерологические отношения. В этом случае меон продолжает в своем скрытом виде присутствовать в вещах и оказывать влияние на них через свою скрытую в них часть скрытым же (не причинным) парсическим образом. Вещи в этом случае выступают как *парсы*, неразрывно связанные с меоническим миром и испытывающим его влияния. Но те же вещи одновременно выступают как носители своих явных субстратных качеств как *монады* и взаимодействуют с другими монадами причинным образом. В таком случае в ходе причинного взаимодействия вещей начинает формироваться *механизм причинно-парсической самодетерминации*. Он состоит в том, что вещь как монада, воздействуя причинно на другую вещь как монаду, одновременно влияет на нее и как на парс и тем вызывает изменения в парсической области меона. Но меонические изменения влекут парсические «волны», которые влияют парсическим обратным образом на первую вещь изнутри. После этого первая вещь как целое меняет свое причинное внешнее действие на вторую и процесс продолжается дальше. Подобные процессы причинно-парсической

самодетерминації походять постійно і со всіма речами, зв'язаними меонічески. К чому они ведуть?

К тому, что те вещи, в которых их причинные внешние действия и вызываемые ими обратные внутренние парсические влияния не соответствуют друг другу и внутреннему парсическо-генерологическому состоянию вещи, будут приходиться в неадекватное состояние, разрушаться, исчезать. Те, в которых соответствие будет сохраняться, будут носить устойчивый характер и развиваться, пока не исчерпается их внутренний потенциал, связанный с возможностями их вещественного носителя. При этом, следует учитывать и то, что помимо обратных парсических влияний, вызываемых причинными действиями самой вещи, на вещь влияют и изменения остального парсического меонического фона, вызываемые другими вещами, а также и их причинными внешними влияниями. Поэтому, фактически, идет постоянное *усоответствливание* не только парсики и генерологии данной вещи, а всех вещей, относящихся к меону, но прежде всего (более заметным образом) связанных друг с другом непосредственным причинным и парсическим образом.

Таким образом, любая вещь, если она включена в генерологические отношения, т.е. функционирует как дискрет, в скрытом виде остается частью меонического мира, но одновременно как бы отделена от него своим индивидуальным монадным, т.е. явным субстратным существованием в причинных отношениях. Каждая вещь на самом ее глубоком меоническом уровне неразрывно связана с меоническим миром как его часть и испытывает его информационно-энергетическое *парсическое влияние*. А на уровне субстратном она участвует во внешней явной *причинной* жизни отношений с другими вещами как монада с монадами. При этом причинные влияния имеют место между вещами извне, а парсические действуют на внутреннее содержание вещей. И все это ведет к тому, что в реальности одни вещи существуют и развиваются, другие не возникают, третьи находятся на стадии распада, или формирования. Главная тайна бесконечно разнообразного бытия, в котором, однако, «все – одно и то же», кроется во взаимной репрезентации явлений, означающей постоянное *стремление к сохранению соответствия* разнотипных явлений друг другу, что бы с ними ни происходило. Этот фактор усоответствливания и получил название **СИЗИГИИ**.

Поскольку он имеет определяющее значение по отношению к самим универсальным детерминантам и параметрам бытия, он выполняет по отношению к ним интегральную функцию, играет по отношению к бытию в целом *фундаментальную роль*. Последняя

состоит в том, что именно *в вечном сизигийном стремлении* бытия к внутреннему соответствию всех его компонентов друг другу, несмотря на их преобразования и трансформации, заключается **его сущность** и *вся* его тайна. Данное обстоятельство заставляет обратить особое внимание на раскрытие природы сизигии, а также на вопрос о контроле сизигийности процессов. Сизигийность и ее мера являются главными, можно сказать универсальными ориентирами в инновационной и управляющей деятельности. В метаморфозах конкретных СЭИ-форм устойчивый характер приобретают только те состояния, в которых составляющие СЭИ достигают в своем единстве определенной парсически-генерологической гармонии и способны породить конкретную стабильную ситуацию. Здесь - *исток* формирования общей картины онтических форм субстратного бытия и их отношений, согласованной с миром неявным меоническим..

В этом смысле сизигия выступает также как всеобщая тенденция сопряжения онтики и онтологии, плюральности и единства, генерологизации (сериализации) и субстанциализации (америзации) бытия во всех проявлениях онтико-онтологических дуальностей, т.е. всех вещей и их условий. Если сказать четче - это механизм репрезентации, осуществляющийся в виде никогда не прекращающегося процесса взаимного представления компонентов бытийных тотальностей друг в друге, всего во всем, несмотря на то, что характер этих компонентов и форм бытия может существенно меняться, вплоть до изменения их субстратности. Принцип сизигийности состоит в том, что любая вещь всегда пребывает в движении взаимного согласования, усоответствливания себя с миром и мира с собой, причем это согласование, в общем случае, может иметь вид метаморфозов, в которых меняется и вещь и мир. Именно сизигийное стремление задает СЭИ-динамику таким образом, чтобы выявлялись в действительной форме не любые, а лишь определенные СЭИ-образования. Сизигия - как бы всеприсутствующая и всеобъединяющая *душа* субстратного бытия, проявляющаяся через механизм причинно-кондициональной самодетерминации.

Принцип сизигийности является в метафизике тотальности *основополагающим в осмыслении бытия как целого*. Он составляет также нерв практики бытия, а вместе с этим задает определенные ориентиры человеческой деятельности. В частности, как бы ни технологизировалось знание и как бы ни распадалась на фрагменты наша субъективная деятельность, она все равно объединена вечной тенденцией ориентации на сизигийность и успешна только тогда, когда осуществляется в согласии с ней. Она обречена, если пытается

противостоят сизигийным процессам подобно тому, как деятельность политика бесперспективна, если противостоит тому, что называют «объективным историческим процессом» или «ходом истории», а на самом деле тому, что выступает как требование сизигийности общественного бытия.

Сегодняшний глобальный процесс, подчиненный идее корпоратократии, утратил оптимальную социальную сизигийность и движется к глобальной кризисной ситуации. Конкретные проявления антисизигийных действий становятся все более явными. Они, в частности, ярко обозначены ранее упоминавшимся Джоном Перкинсом во введении к его книге¹⁰. Описывая сознательно проводимую со стороны США политику создания глобальной империи корпораций, банков и правительств, он отмечает, что речь идет не о заговоре, с которым можно бороться на основе закона, а о навязывании с помощью всей системы образа жизни порочного кредо всему населению.

Он пишет: «Ею правит не умысел малочисленной кучки людей, а непрерываемая, как Евангелие, вера в то, что экономический рост несет благо всему человечеству и что чем выше этот рост, тем больше выигрывают все люди. Из этого кредо вытекает следующее: тот, кто высекает благословенную искру экономического роста, должен быть возвышен и вознагражден, стоящий же в стороне, подлежит эксплуатации», «промышленные магнаты, управляющие этой системой, должны обладать особым статусом. Это мнение лежит в основе многих из наших нынешних бед». «Когда в людях поощряется жадность, жадность становится главным мотивом разложения». «Корпоратократия – это не заговор, однако основные действующие лица в обоих случаях исповедуют единые ценности и связаны общими целями. Одна из наиболее важных функций корпоратократии – сохраняя, постоянно расширять и укреплять систему. Жизнь тех, кому она «удалась», их реkvизит – дома, яхты, частные самолеты – преподносятся нам как образцы для подражания, чтобы вдохновить нас всех на потребление, потребление и потребление. Используется любая возможность, чтобы убедить нас в том, что покупать вещи – это наш гражданский долг, что разграбление природных богатств полезно для экономики и, следовательно, служит нашим высшим интересам».

Позиция автора, который сам долгое время служил системе корпоратократии и хорошо знает о чем говорит, такова:

«Эта книга была написана для того, чтобы мы задумались и изменили нашу жизнь. Я уверен, что когда достаточно людей осознает, как нас эксплуатирует экономический механизм, возбуждающий неутолимую потребность в природных ресурсах, и в результате создает системы, вращивающие рабство, мы больше не сможем терпеть это. Тогда мы пересмотрим нашу роль в этом

---

¹⁰ Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – М.: Pretext, 2005 – 319с.

мире, где единицы купаются в роскоши, а большинство задыхается в нищете, грязи и насилии. Тогда мы посвятим себя поискам пути к состраданию, демократии и социальной справедливости для всех». «Ни одна Страна или союз нескольких стран не могут бесконечно процветать за счет эксплуатации других».

То, что автор обозначает «состраданием, демократией и социальной справедливостью», является ничем иным, как оптимальной социальной сизигийностью, от отсутствия которой страдает современный социум. В связи с этим дальнейшая разработка общих принципов сизигийной деятельности и их использование является сегодня жизненно важной практической задачей.

Поскольку сизигия – предельный детерминант бытия, свести его к более фундаментальным основаниям невозможно и сказать о нем больше нечего. Дальнейшая задача состоит только в том, чтобы попытаться обнаружить универсальные внешние формы его проявления в онтической жизни и соответствующие универсальные параметры сизигийности, на которые можно ориентироваться в своей деятельности, обеспечивая ее оптимальность. Измерение, контроль указанных параметров и поддержание их оптимального значения может рассматриваться как *всеобщее требование и условие любой разумной деятельности человека и общества*, а прежде всего инновационной. Оно служит основанием мудрости, называемой в метафизике тотальности *сизигийной рациональностью*. Выполнение человеком требований сизигийной рациональности есть практическая технология непрерывного пребывания человека не только в высшей точке эффективности его действий и свободы, а и в истине, любви и красоте. В обществе это означает *гармонию экономики, гуманитарной сферы и образа жизни*. Практическая реализация сизигийной рациональности предполагает измерение сизигийности и ориентацию на оптимальное значение ее параметра. О *мере* сизигийности, о критериях и путях обеспечения *оптимума* пребывания в сизигийности и пойдет речь дальше.

Сизигийный параметр и его оптимум

Как можно охарактеризовать сизигию параметрически и какой глубинный смысл скрыт за тягой природы и человека к соответствию со средой и бытием вообще? Динамика и изменение тотальности «человек+среда» осуществляются в виде *pg*-переходов. Они же служат формой проявления сущности рассмотренного ранее механизма самодетерминации тотальности, а, стало быть, и сизигийного механизма. В таком случае, если учесть, что генерология

есть характеристика упорядоченности, а парсические отношения играют по отношению к ней роль дестабилизирующего фактора, то параметр для оценки сизигийности можно ввести, используя p и g -характеристики.

Рассмотрим ситуацию устойчивого парсически-генерологического состояния тотальности. В качестве параметра сизигии можно в этом случае взять характеристику степени соответствия генерологии своей парсической ауре и внешним парсическим (виртуальным) влияниям. Если обозначить характеристику генерологического порядка через N_g , показатель внутреннего парсического фона, связанного с генерологией, через N_p , а показатель скрытого парсического влияния извне N_v (лат. *Virtualis* – скрытый, способный проявиться), то сизигийный параметр (обозначим его через S) может быть принят, например, в виде: $S=N_g/(N_p+N_v)$. Поскольку, как правило, внешние парсические воздействия в случае устойчивого состояния тотальности, будучи относительно неизменными ($N_v=constanta$), не играют решающей роли в ее более динамичной внутренней жизни, непосредственным отражением ее сизигийности может служить более простое соотношение: $S=N_g/N_p$, где, в зависимости от конкретного значения константы N_v , к N_p должно прибавляться некоторая добавка. Рассмотрим для простоты условный случай, когда $N_v = 0$.

Дальше следует учесть, что хотя S и определен как параметр сизигийности (или сизигийный параметр), не любое отношение N_g и N_p является истинно сизигийным, т.е. свидетельствующим о действительном соответствии парсики и генерологии, которое нас интересует как наиболее оптимальное в существовании тотальности. Чтобы с помощью указанного соотношения $S=N_g/N_p$ определить меру *оптимальной* (истинной) сизигийности, придется сделать некоторые вполне оправданные допущения, справедливость следствий из которых затем можно проверить на практике. Вряд ли оптимальным значением S можно считать ситуацию полного господства генерологии над парсикой («тоталитарное» состояние ситуации $N_p=0$), поскольку в этом случае жизнь тотальности сводится к повторению одного и того же генерологического функционирования и отсутствию возможности развития, т.е. парсически-генерологических переходов (ситуация «репрессивной генерологии»). Такое состояние крайне чувствительно к малейшим нарушениям генерологии, поскольку они ведут к обвальному разрушению всей конструкции, лишенной гибкости. Так же не является оптимальной и ситуация генерологической неопределенности при ведущей роли парсики ($N_g=0$, ситуация

«радикального парсического хаоса»), поскольку это означает распад генерологических порядков и исчезновение тотальности как целостности, ее «растворение» в парсическом фоне.

В таком случае, поскольку ситуации $N_g = 0$ и $N_p = 0$ исключаются как неоптимальные и, следовательно, S не может быть нулем или бесконечностью, следует исходить из того, что оптимальным значением сизигии (S_{opt}) является некоторое *конечное положительное численное значение*. Это влечет важный вывод: для случая оптимальных состояний определенное значение сизигии *реально существует*. В таком случае встает задача его определения. Она оказывается вполне разрешимой, если учесть некоторые обстоятельства.

Чтобы данное значение определить, следует обратить внимание на то, что язык метафизики тотальности приложим к любым целостностям и процессам, потому что понятия генерологии и парсики не накладывают иных ограничений на тотальность, кроме тех, которые присутствуют в их определении. Поэтому конечное численное значение оптимальной сизигийности должно иметь *универсальный* характер, а значит если бы нам удалось определить его в том или ином конкретном практическом случае, его можно было бы перенести далее на все остальные ситуации и представить как искомое *универсальное значение S_{opt}* . Для реализации этой идеи в метафизике тотальности использованы результаты, полученные К.Шенноном и Е.А.Седовым. Эти авторы исследовали целостность текстов. На примере отобранных временем письменных текстов они показали, что мера генерологической упорядоченности в текстах (которая рассматривалась как процент «избыточной информации» текста, т.е. такой, которая может быть предсказана до ее получения на основе лишь ее внутренней упорядоченной связности) относится к мере парсического хаоса (получаемого как разница 100% хаоса и процента избыточной информации) как 4:1¹¹. Исходя из этого конкретного случая, можно сделать общий вывод: формула оптимальной сизигийности в устойчивом состоянии тотальности имеет вид: $S_{opt} = N_g / N_p = 4$. Т.е. *численное значение сизигийного оптимума (с учетом принятого условия отсутствия внешних парсических влияний: $N_v = 0$) равняется четырем и имеет универсальное значение для любых оптимальных парсически-генерологических отношений*¹².

Значение данного вывода трудно переоценить в силу его универсального характера и возможности широкого применения на

¹¹ Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. – 1993. - №5. , с.92-101.

¹² Кизима В.В. Социум и Бытие. – К.: Издатель ПАРАПАН, 2007. – 204с., с.96.

практике. Из него, в частности, следует, что не только состояние, а и изменение тотальности тогда является оптимальным и позволяет считать процесс изменения развитием тотальности, не выводящим ее за пределы ее идентичности, когда данное изменение не превышает 25% при 75% сохраняющейся генерологической упорядоченности. Однако все же указанный вывод относится только к ситуации стабильных и оптимально развивающихся *простых* (неиерархизированных или слабоиерархизированных, т.е. допускающих удовлетворительное описание) рg-отношений. Кроме того, мы брали идеальный случай отсутствия ощутимых внешних парсических влияний $N_v=0$. Можно ли ориентироваться на какой-то показатель оптимальной сизигийности в более сложных случаях, связанных со сложными, иерархизированными тотальностями и их существенными морфологическими преобразованиями вплоть до метаморфозов? Ответ на этот вопрос требует выявления более общих – *интегральных* индикаторов сизигийности.

Индикаторы сизигийности морфогенеза

Выше была рассмотрена ситуация оптимального развития тотальности при наличии нулевого влияния внешней парсики, т.е. виртуальных условий ($N_v = 0$) и соблюдения оптимальной связности в тотальности ($S_{opt}=4$). Однако, в ходе реального тоталлогенеза могут происходить и происходят преобразования внутренней жизни тотальности за счет дифференциации и специализации ее генерологических функций, вытеснения все большего числа свойств дискретов в парсическую область и нарастания парсических внутренних влияний на генерологию. Это чревато перестройкой ее генерологических отношений и изменением субстратных носителей, т.е. вещей, выполняющих монадную роль. В таком случае меняется *качество* парсических и генерологических (субпарсических и субгенерологических) параметров и их отношений и прежний сизигийный параметр к этому переходному процессу не может быть применен. Конечно, можно было бы пытаться применять его к генерологическому каркасу тотальности как целому и его парсической ауре. Но это предполагает знание всех субгенерологических порядков самости тотальности и структуры парсической ауры, что в большинстве случаев практически вряд ли возможно. Кроме того, в случае изменения сложноиерархизированной тотальности меняется и отношение ее содержания к внешним условиям: усиливается ее

«чувствительность» к одним компонентам среды и ослабляется к другим подобно тому, как взрослеющий человек, меняя свое отношение к среде (характер интереса к ней, выбор иных целей и средств их достижения и т.д.), меняет и приоритетность влияния на него факторов самой среды. Такое смещение характера и роли доминантных воздействий на тотальность в общем парсическом поле условий можно рассматривать как изменение виртуальных влияний самих условий (ситуация не только $Nv \neq 0$, а и $Nv \neq \text{constanta}$). В результате этого некоторые парсические отношения также обретают характер генерологических, а генерологические распадаются и становятся парсическими так, что проследить этот процесс не представляется возможным.

Кроме того, в случае развития сложной тотальности подобные *pg*-переходы могут вести к созданию в ее пространстве неопределенных (американских) *pg*-ситуаций субстанциальности, из которых и на основе которых затем возникают новые парсически-генерологические субструктуры, играющие роль ее новых морфологических компонентов. В общем случае, такие эволюции, происходящие в разных частях тотальности, могут сливаться в единый *структурированный процесс*. Одновременно это влечет дифференциацию и преобразование внешних отношений тотальности. Во всех этих случаях использование парсически-генерологического индикатора становится невозможным или крайне затруднительным. Возникает вопрос, как определять сизигийную оптимальность таких сложных процессов, в которых устойчивость генерологии подвергается перманентному испытанию.

При определении индикаторов сизигийности в подобных случаях можно исходить из интегральной внешней картины процесса, из того, что, поскольку результатом *pg*-переходов в них является *развитие морфологии* тотальности, оптимальная сизигийность данного процесса (или отклонения от нее) должна отражаться на формирующейся общей архитектонике тотальности. В таком случае *сам вид* данной архитектоники может служить искомым индикатором и сизигийная оптимальность процесса должна проявляться в некотором интегральном параметре *порождаемой им морфологической архитектоники* тотальности. Поскольку рассмотрение вопроса ведется безотносительно к конкретному случаю тоталлогенеза, данный параметр или параметры, если удастся их обнаружить, должны также иметь *универсальное значение*.

Существуют ли численные математические показатели, характеризующие архитектонические отношения в тотальности или

между тотальностью как целым и ее частями? Существуют. Например, это отношение *общего размера тотальности к размерам отдельных ее фрагментов*. Подобные отношения, как абстрактно кажется, могут иметь разные, в общем случае произвольные численные значения, подобно тому, как отрезок геометрической прямой можно делить произвольно в разных пропорциях. На самом деле, если учесть, что морфология тотальности выстраивается в результате игры генерологических и парсических (причинно-кондициональных) информационно-энергетических взаимовлияний и что на этот процесс воздействуют организующим образом ландшафтные порядки бытия, вряд ли все указанные отношения из числа теоретически возможных равноправны в смысле их *реальной* устойчивости, а значит и сизигийности. Ведь даже отношения самих по себе чисел, отвлеченных от операций практического измерения, могут иметь разное качество – быть рациональными и иррациональными. Не случайно открытие иррациональных чисел в свое время было воспринято как гром среди ясного неба. До сих пор бытийный смысл иррациональности оставался скрытым. На основе принципов метафизики тотальности можно допустить, что рациональные числа фиксируют генерологические отношения, а парсические влияния, в силу того, что они структурированы и в пределе уходят в бесконечность и вносят сложную иерархическую структуру в любые пространственные размеры тотальности, как раз и связаны с необходимостью иррациональных чисел. Поэтому, продолжая рассуждение дальше, можно утверждать, что значение сизигийного оптимума тотальности (максимально учитывающего полноту парсических влияний) скорей всего должно иметь также *иррациональный вид*. В таком случае вполне вероятно, что архитектурные параметры не любого целого дают значение сизигийного оптимума, а только такого, в котором данный оптимум действительно имеет место, а это значит, что целое должно быть максимально согласовано в своей морфологии и со средой, обладать соответствием не только частей и целого, а и внутреннего и внешнего. Из сказанного следует, что на практике численные параметры сизигийного оптимума можно надеяться получить, рассматривая архитеконику не любых, а *только устойчивых* форм тотальности, *прошедших длительный «отбор на сизигийность»* среди прочих подобных.

Если учесть все сказанное, то окажется, что такие показатели действительно существуют и, более того, хорошо известны. Еще древние дали нам интегральный параметр, характеризующий гармонию целого и частей, известный как *золотое сечение*. В

«Началах» Евклида была поставлена задача «о делении отрезка в крайнем и среднем отношении», решение которой и привело к численному, и, что, как мы уже знаем, не случайно, к *иррациональному* значению $(1+\sqrt{5})/2=1,61803\dots$, известному после Клавдия Птолемея и Леонардо да Винчи как «золотое сечение». Если разделить отрезок в пропорции, равной значению золотого сечения, то получим, что длина большей его части относится к длине меньшей части так же, как длина всего отрезка к длине большей части. Именно такая пропорция оказывается очень широко распространенной во всех сферах бытия. Сегодня известны связанные с золотым сечением и другие универсальные отношения, выражаемые, например числами Фибоначчи, Люка и др. К этому же ряду относятся понятия «обобщенной золотой пропорции» А.П.Стахова, представление о «структурной гармонии систем» Э.М.Сороко¹³. В частности, понятие «обобщенной золотой пропорции» оказывается важным для характеристики *развития* систем, связанного с переходом системы из одного гармоничного состояния в следующие гармоничные через дисгармоничные неустойчивые, возникающие под действием парсических факторов.

Сегодня имеются примеры золотого сечения не только давно известные из иллюстраций в природе, обществе и в строении человека, а и практического использования критерия золотого сечения для решения задач оптимизации человеческой деятельности. Причем не только в архитектуре или живописи, где этим критерием пользовались давно. Интересной является, например, современная попытка решения вполне тоталлогической проблемы в экономике – установления связи между сложными процессами структурирования экономики и оптимизацией ее развития на основе использования правила золотого сечения. И.В.Крючкова в своей статье, посвященной анализу данной проблемы¹⁴ использует правило золотого сечения как универсальный закон такого структурирования. Понимая под «рядом золотого сечения» ряд чисел Фибоначчи, сопоставляя с рядами золотого сечения, полученными для разных лет экономического развития Украины, соответствующие им ряды структурирования различных экономических показателей, она рассматривает негативные последствия его нарушения и результаты макроэкономического моделирования влияний отклонений от гармонизированных

---

¹³ Стахов А., Слученкова А., Щербаков И. Код да Винчи и ряды Фибоначчи. – СПб.: Питер. 2007.- 320с., с.112-126

¹⁴ Крючкова И.В. Макроструктурные факторы и закон Золотого сечения // «Экономист». – 2005.- №9, сентябрь. с.26-30.

структурных норм на современную динамику ВВП. Автор делает вывод, что недостаточно использовать один или несколько отдельных факторов для определения такого обобщающего показателя, как потенциал экономического развития. Необходимо еще учитывать степень приближения данных факторов *к границе эффективности и взаимной координации*. В отдельных уже существующих моделях, отмечает Крючкова, хотя и используются «коинтеграционные соотношения», но лишь фрагментарно. Рассматривая уже разработанные, но все же недостаточно удовлетворительные подходы, она, в частности, пишет, что в них «пока что отсутствует понимание законов структурирования экономических систем, т.е. законов *гармонизации действия отдельных факторов в пределах этих систем*. А, следовательно, нет и удовлетворительного объяснения характера действия как самих этих законов на отдельных этапах цикла развития, так и широких влияний отдельных факторов на равновесие систем. Нет также определенности относительно того, какие структурные компоненты присущи экономике в момент, когда линия ее реального развития совпадает с линией тренда» (*курсив – К.В.*). Выделенные курсивом слова обозначают не что иное, как *сизигию*, действующую в сложной экономической системе, без учета которой ее описание, тем более объяснение и эффективное управление ею является невозможным.

К сожалению и сегодня, спустя почти десять лет после публикации статьи И.В.Крючковой, понимание принципиальной роли гармонизирующего сизигийного фактора в процессах структурирования экономических и иных, например, кластерных, региональных и прочих систем и полисубъектных сред, продолжает отсутствовать. Даже в среде профессионально занимающихся специалистами по рефлексивным процессам и управлению дело ограничивается преимущественно описанием разрозненных методологий, упускающих общую картину¹⁵.

---

¹⁵ В.Е.Лепский описывает ситуацию следующим образом: «В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» - создание условий для их развития. Фактически доминирующими видами управления становятся разнообразные «*виды управления через среду*». В частности, к ним следует отнести управление «мягкой силы», управление посредством создания хаоса. Управление сложностью, управление через «*задание механизмов функционирования среды*», управление «*через механизмы сборки субъектов*», управление «через социальные сети» и многие другие виды управления» (Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении в контексте развития

Смысл оптимальности интегральной сизигийности

После всего сказанного остается уяснить *смысл* оптимальности сизигии, когда речь идет о следовании правилу золотого сечения или другим требованиям «математики гармонии». Что кроется за обобщенной (интегральной) мерой оптимальной сизигийности? Для ответа на данный вопрос воспользуемся еще раз уже испытанным приемом. Подобно тому, как мы определили универсальное численное сизигийное значение для простых состояний тотальности на основе конкретных измерений сизигийности текстов К.Шенноном и Е.А.Седовым, можно для выяснения универсального смысла интегрального сизигийного оптимума также сначала рассмотреть его смысл в конкретном случае, а затем придать ему универсальное значение. Используем для этого исследования В.И.Акунова, связанные с параметрическими рядами¹⁶.

Долгое время, практически работая в промышленности в качестве одного из известных в СССР специалистов, изучая исторический опыт развития технических средств (особенно детально историю мельничного дела) он пришел к следующим выводам:

1. в ходе развития и совершенствования сложных технических систем осуществляется их самонормирование, т.е. выделяются их дискретные состояния в общем ряду развития, система нормируется по некоторым характеристическим параметрам, образуя в соответствии с ними эволюционный *дискретный ряд*;
2. отбор систем условиями активно осуществляется в момент возрастания энтропии, т.е. при усилении хаоса (неопределенности) состояния системы;
3. отобранная устойчивая система характеризуется высокой степенью организованности (*минимумом энтропии*) при

научной рациональности.//Рефлексивные процессы и управление. Сб.материалов IX Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 17-18 октября 2013 г. Москва. Отв. ред. В.Е.Лепский. – М., «Когито-Центр», 2013. с. 54).

¹⁶ Акунов В.И., Чечик А.Л. Самонормирование (самоорганизация) сложных систем переработки вещества, энергии, информации // Totallogy-XXI (15/16 выпуски). Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України. – 2006. – с.398-413.

- минимуме удельных затрат вещества, энергии и информации на единицу преобразуемого потока ;*
4. общий процесс подчинен *минимизации удельных затрат вещества, энергии и информации на единицу преобразуемого потока.*

Все эти положения имеют важное значение для рассматриваемых нами вопросов, особенно потому, что основываются на большом эмпирическом материале. Они указывают не только на три достаточных для описания макросистем общих параметра – *вещество, энергию, информацию* (что является конкретизацией, а заодно и подтверждением правильности нашей идеи СЭИ для рассматриваемого конкретного случая), а также и на *дискретный* характер состояний устойчивых сложных систем в общем ряду их развития. Но для нас особенно важен в данном случае последний из выводов – о том, что сложные устойчивые системы характеризуются *минимумом энтропии* и общий процесс идет *по линии минимизации затрат вещества, энергии и информации на единицу перерабатываемого потока.* Фактически это есть ответ на интересующий нас вопрос. Остается только обобщить его.

Смысл оптимальной сизигии состоит в том, что с ней связано *максимальное взаимное соответствие субстрата, энергии и информации* и чем дальше в том или ином конкретном случае оно от максимума, тем неустойчивей, быстротечней и дальше от сизигийного состояния находится структурированный процесс. В общем случае ***оптимум сизигийности*** означает устойчивое состояние ***минимума затрат субстрата, энергии и информации онтической формы на переработку ею единицы внешних потоков.*** С другой стороны это можно трактовать и как такое состояние оптимума тотальности, которое позволяет ей *ассимилировать максимум внешних потоков.* Этот обобщенный показатель сизигийности «поглощает» параметр сизигийности простых онтических форм ($S=4$) полученный на основе понятий парсика и генерологии, поскольку описание сизигии через парсический и генерологический показатели действует только в случае наличия *определившихся* парсически-генерологических отношений. Но, с другой стороны, обобщенный показатель не должен противоречить оптимуму $S=4$ в том случае, когда процесс морфологизации достигает устойчивого парсически-генерологического состояния. Когда рg-переход завершен, он должен выводить на оптимум $S=4$. Т.е. сизигийный параметр 4 имеет вполне определенный смысл оптимума в случае, если он достигнут в

конкретной форме в результате *завершеного* процесса генерологизации тотальности. В связи с этим можно сформулировать следующее общее положение: **процессы генерологизации являются сизигийно оптимальными тогда, когда идут по линии минимизации затрат вещества, энергии и информации, и оформляются в виде устойчивой субстратности, в которой сизигийный парсически-генерологический параметр равняется четырем ($S=4$), а морфологические отношения, устанавливающиеся в ней, прямо или опосредованно выражаются через параметр золотого сечения. В таком случае тотальность достигает состояния минимума затрат субстрата, энергии и информации на переработку ею единицы внешних потоков.** Процессы, не соответствующие данным требованиям, являются нестабильными и утрачивающими свою идентичность. Таков истинный смысл происходящих в бытии сизигийных преобразований. В соответствии с ним реализуется и меняется многообразие субстратных форм, как и, в других случаях, происходит их деградация, унификация и исчезновение под влиянием сизигийных процессов более общего характера.

III. Инновационная деятельность

Инновационная деятельность человека отличается от естественных процессов обновлений в природе тем, что вносит в природу свои цели и смыслы и создает искусственную, социально значимую среду, важную для человека. В рамках природного мира, представляющего как субстратная среда *природы*, искусственная среда, создаваемая человеком, предстает как *социальная* субстратная среда. Обновляющие действия человека несут человеческие смыслы, поэтому понятие инновации применимо только в жизни людей и общества, даже когда речь идет об использовании ими природных материалов и сил и изменениях, вызываемых ими в природе. Называя инновациями обновления в обществе, мы отличаем их от обновлений в природе.

Деление действительности на явную и скрытую также имеет специфический смысл в обществе. Скрытое в жизни человека и общества – не только то, что неизвестно и еще не открыто в обществе, а и то, что не используется в их жизни, хотя бы в природе оно реально присутствовало и ранее было известно людям. А явное – то, что используется и, в принципе, может использоваться всеми. По этому признаку можно различать сами инновации: в одних случаях как те, в которых используются ранее неизвестные силы и возможности

(*фундаментальні інновації*), в других – як використовуючі відомі в суспільстві сили і можливості, але не використані раніше (*соціальні*), в третій – як використовуючі відомі і використовувані в суспільстві можливості, але вперше використовувані конкретною людиною (*індивідуальні*). Можливі і інші типологізації.

Механізм інноваційного процесу

Механізм інноваційного процесу задається людиною, хоча залежить не тільки від людини, і повинен здійснюватися в відповідності з певними загальними вимогами. Людина діє на інноваційну ситуацію через конкретні предмети або процеси локальним *причинним* способом, тим самим змінює і всю цю ситуацію *як ціле*. Зміна ситуації як цілого відбувається рефлексивним способом на саму людину онтологічно як неспричинне *кондиційне* вплив умов одночасно «з усіх сторін», в загальному випадку не завжди тільки явним способом, а і діючи на підсвідомість людини. Т.е. людина, свідомо причинно впливаючи на інноваційну ситуацію, викликає тим самим зворотне, в тому числі приховане кондиційне вплив ситуації на себе, на свою підсвідомість і через неї на свідомість. Це відбувається подібно тому, як людство, впливаючи цілеспрямованим причинним способом на природу, через неї, як умови своєї життя, кондиційно впливає на свідомість людей і їх наступні дії. Тим самим механізм причинно-кондиційної самодетермінації веде до саморозвитку і саморозкриття систем «людина-середовище» і «суспільство-природа». Він є важливим засобом практичної інноваційної діяльності, оскільки діє не тільки в суспільстві, а і в природі, на яку людина також може впливати в ході інноваційного процесу.

Принципово важливою особливістю цього механізму є те обставина, що пряме причинне діє людини на ситуацію і зворотне кондиційне вплив ситуації на людину діють по різних каналах (зовнішньому причинному з однієї сторони і прихованому кондиційному – з іншої), і *не можуть компенсувати одна одну*. Тому початковий інноваційний діє людини не завершується, а далі розкривається як єдиний інноваційний *процес*. Важливо в ньому і те, що якщо причинні дії несуть зовнішній характер і не несуть фундаментально нового як глибокого, то кондиційні несуть саме глибокий

парсический характер и способствуют выявлению скрытых возможностей через подсознание человека в его сознании, и, вызывая в нем новые потребности, цели и действия, реализуются человеком в явном мире.

Типы и виды инноваций

Инновационная деятельность может быть разделена на два типа – *естественную* и *сознательно осуществляемую*. *Естественная* – стихийно, неконтролируемо протекающая жизнедеятельность, рассматриваемая как фактически постоянно реализуемое инновационное действие в меняющихся ситуациях, сказывающихся на индивидуальном и общественном подсознании, порождающих рефлексивные реакции в деятельности людей и общества, чреватые неожиданностью для них самих и для окружающих. *Сознательно осуществляемая* - целенаправленно реализуется в инновационном процессе. При этом оба эти понятия необходимы и целесообразны. Это вытекает из следующего.

Понятие естественной инновации сталкивается с трудностями ее интерпретации. С одной стороны, инновацию, понимаемую как жизнь, было бы неправильно игнорировать. С другой, на это можно возразить, что поскольку она осуществляется без целенаправленного руководства, без специально прилагаемых усилий и сознательного обдумывания каждого шага, т.е. на *подсознательной и интуитивной* основе, - в этом смысле она является инновацией не по существу, а формально. Однако и сознательно выстраиваемые инновации не всегда могут служить примером инновационной деятельности, причем именно потому, что связаны с сознанием. Ведь формально правильные, контролируемые сознанием действия часто носят неоптимальный характер, не «справляются с жизнью», поскольку могут опираться не на адекватную логику, на предрассудки и догмы. В этих случаях формальной (или формально-логической) инновацией можно было бы называть именно сознательно осуществляемую.

На самом деле реальная инновация несет оба компонента – сознательный и бессознательный. В сознательно осуществляемом человеком инновационном процессе присутствует и бессознательный момент, служащий творческим началом, определяемый воздействием на сознание человека реальных, но еще не институционализированных, в этом смысле скрытых влияний. Именно благодаря им, в человеке и общественном сознании формируются новые переживания, потребности, побуждения, мотивы и цели, являющиеся основой

інноваційних дій. Тому природна інновація важна не стільки як інновація свідомо здійснювана людиною (она такою не є), скільки як об'єкт вивчення *головного моменту* будь-якої реальної інновації – *механізму переходу бессвідомого в свідоме, прихованого в явне*. В якості такої вона і має право фігурувати під своїм назвою і бути спеціальним об'єктом дослідження. А що стосується реально здійснюваних інновацій, то вони несуть в собі неосвідомо здійснювану «природну інновацію» як свій ключовий момент, але зовні представляють як цілеспрямовані дії, здійснювані суб'єктом інновацій явним способом.

Реальні інновації можуть проявлятися:

як **особистісні** (перекладають приховане в явне в самій людині і пов'язані з змінами і переживаннями людини в ході його особистісних фізичних і духовних практик і трансформацій); **гуманітарні** (нацелені на зовнішнє перетворення внутрішньої життя людини і духовної життя суспільства, в тому числі шляхом вироблення ціннісних позицій і норм і орієнтації життя на вищі ідеали, на гармонізацію життя світу в людині і людини в світі. До гуманітарних відносяться інновації освітні, пізнавальні, виховні, педагогічні, світоглядні);

соціальні (спрямовані на перетворення соціальних і політичних відносин, регулювання відносин суспільства і держави і гармонізацію відносин людини і суспільства);

матеріально-технічні (технічні, спрямовані на природокористування, технологічні, організаційні, виробничі).

Можно також виходити з іншого поділу, яке сьогодні актуально – окремо говорити про **гуманітарні** і **негуманітарні** інновації, включаючи в негуманітарні всі, крім гуманітарних. Питання про їх відношення – про єдність, нерозривність і взаємний вплив одне на одне – набуло сьогодні особливу гостроту через явну недооцінку гуманітарних інновацій. Про цю проблему буде сказано нижче.

Об'єкти інновацій

В інноваційній діяльності питання про об'єкт інновації грає принципову роль. Відповідь на нього важлива не тільки для практичних потреб, а й тому, що, відштовхуючись від розуміння об'єкта, можна судити наскільки широка область можливостей

планируемой инновации. В то же время, определение объекта инновации наталкивается на трудности. Когда речь идет об изобретениях, усовершенствованиях, о рационализации, - ограничения в объектах, к которым эти действия могут применяться, практически отсутствуют. В случае же инновационного процесса, поскольку речь идет о *процессе*, объект предстает как нечто способное к непрерывному изменению. Он требует особого выделения из условий, а потому специального анализа его природы. Например, когда человек говорит о «необходимости изменить ситуацию», он на самом деле не всегда четко осознает, на что именно он хочет воздействовать в этой самой ситуации, и в таком случае не в состоянии определиться с истинным объектом задуманной инновации. Вместо изменения истинного объекта он часто меняет его контекст, создавая вместо инновации ее видимость, или идет к ней круглыми путями через малопродуктивное и потому затратное и часто почти бесполезное изменение условий объекта вместо самого объекта.

Сложность вопроса об определении объекта инновации связана и с тем, что современная изменчивая жизнь общества наделена свойством «утраты наблюдаемости», т.е. часто обусловлена использованием неконтролируемых информационных процессов, скрытых финансовых, коррупционных, политических и прочих механизмов диффузного влияния на общество, что затрудняет выделение связанных социальных объектов, об инновации которых можно было бы говорить. Предлагаемый в литературе выход состоит в том, чтобы использовать понятие «среды», ограничиваемой тем дополнительным условием, что она способна «саморазвертываться»¹⁷. Здесь ухвачена реальная проблема объекта инновации и намечен подход к ее решению, но остается неясным критерий наличия саморазвертывания или *способности* к саморазвертыванию. Не случайно в той же работе В.Е.Лепского говорится о проблеме контроля и управления функционирования саморазвивающихся и самоорганизующихся сред активных нано-био элементов (с.92). Кроме того, человек в таком подходе предстает как внешний субъект, инородный самому процессу инновации и потому потенциально способный нести в него вместо инновации деструкции и разрушение.

Чтобы объект инновации мог быть выделен в среде корректно, следует отталкиваться от адекватного понимания самой инновации. С этим есть свои сложности. Инновациями называют изобретения, открытия, рационализацию, модернизацию, «сборки», идеи, любое

---

¹⁷ Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.Изд-во «Когито-Центр», 2010, с.100

І.Інновації і буття

творчество и т.д., инновационными называются решения, выступления, подходы, позиции, бренды и т.п., что не разъясняет природы инноваций, а затушевывает ее. Люди, занимающиеся инновациями, говорят об инновационных бизнес-моделях, бизнес-процессах, инновационных стратегиях, инновационных организациях, технологических инновациях, инновационном маркетинге, инновационных продуктах, о системных инновациях и т.д. Инновации делят по сфере приложения, по месту внедрения, по характеру удовлетворяемых потребностей, по степени радикальности, по масштабам распространения и т.п., выделяют точечные, линейные, плоскостные, многомерные, структурные, системные, надсистемные, пространственные, наконец региональные, отраслевые, политические, идеологические, международные и прочие инновации, - и обо всем этом говорится без малейших попыток очертить хотя бы приблизительно, что может, а что не может быть объектом таких «инноваций».

На самом деле объект инноваций должен быть наделен достаточным для решения поставленной инновационной задачи комплексом условий: 1. потенциалом творческих возможностей представляющих его людей и достаточными для обеспечения всего процесса инноваций скрытыми возможностями вещей; 2. должен, в то же время, быть избавлен от мешающих факторов, способных внести разлад в инновационный процесс; 3. быть системно гармонизирован и предполагать возможность широких организационных модификаций и трансформаций, не нарушающих его сизигийности; 4. должен позволять поддерживать оптимальную сизигийность хода этих процессов и всего инновационного процесса как целого; 5. предполагать необходимые потоки влияния и поддержки развития инновационного процесса извне. Все это требует в качестве объекта инноваций иметь некоторую средовую целостность, обладающую многообразием компонентов, и, одновременно, их единством, способным сохраняться в ходе инновации, иначе говоря, определенную средовую тотальность, способную быть развертывающимся в себе, но сохраняющим себя единством.

Выделение (или целенаправленное создание) тотальности, удовлетворяющей этим требованиям – самостоятельная тема и практическая задача. Любая тотальность неразрывно связана с бытийным контекстом как его часть и требует как учета необходимых условий и влияний среды, так и блокирования дезорганизующих инновационный процесс, поскольку любые переходные процессы обладают повышенной чувствительностью к внешним влияниям.

Кроме того, инновационный процесс достаточно сложен в своей динамике и структуре, особенности которой также следует учитывать. Скажем, особое внимание требуется к инновационной динамике, сопряженной со сменой субъект-объектных отношений в ней и за ее пределами, а также к вещественным трансформациями тотального объекта в целом. Необходим постоянный контроль общей картины меняющихся пересечений разных влияний и тенденций во всем объеме инновационного процесса, в котором люди действуют на инновационную среду каждый своим способом, а обратное ее влияние на каждого человека зависит от комплексного действия *всех* участников и организационно-институциональных управляющих влияний на нее. Обладая информацией о всех участниках инновационного процесса и разноритмических циклах их одновременных действий и картине разнодвижений, субъект инновации, помимо прочего, должен не только поддерживать оптимальный уровень ее осуществления, а и благоприятный рабочий и психологический климата среди исполнителей.

Управление инновацией

Управление инновационными процессами, поскольку речь идет о действиях на объект инноваций как на тотальность, предполагает учет закономерностей тоталогенеза. Инновационный процесс должен реализовываться представлять в соответствии с принципом причинно-кондициональной самодетерминации и другими принципами метафизики тотальности. Инноватор, действуя на инновационную ситуацию через конкретные предметы или процессы внешним причинным образом и, тем самым, меняя ее *как целостную среду*, одновременно должен отслеживать генерируемые этими действиями обратные кондициональные влияния на всю ситуацию, в том числе осмысливать происходящее с позиций поддержания общей оптимальной сизигийной ситуации. Постоянное поддержание *сизигийной гармонии* происходящего должно быть постоянно в центре его внимания. Только в этом случае инновационный процесс будет иметь целостный естественный характер, причем требующий минимальных затрат на его осуществление.

Пока что история шла по пути стихийной инновационности, с нарушением принципа оптимальной сизигийности. Ее действия были направлены не только на развитие общества, а, часто, выступали негативной силой по отношению к человеку и самому обществу – в виде бесчеловечной истории войн, заговоров, убийств, террора.

І.Інновації і буття

Сегодня этот ход событий должен быть изменен, глобальное сообщество должны найти свое сизигийное место в мироздании и обеспечить сизигийность внутренней жизни, т.е. жить в гармонии внутренней и внешней.

Принципиально важной особенностью данного механизма является то, ранее уже подчеркивавшееся обстоятельство, что прямое причинное действие человека на ситуацию и обратное кондициональное влияния ситуации на человека *действуют по разным каналам (причинному с одной стороны и кондициональному – с другой) и не могут скомпенсировать друг друга*. Поэтому исходное инновационное действие человека не завершается, а рефлексивным образом далее развертывается как единый инновационный процесс, который «отменить» нельзя из-за включения неявных механизмов. Его можно только исправить следующими шагами. Мы уже живем в мире, который *постоянно изменяется*. А вместе с этим постоянно меняется и человек и его среда, поскольку меняющиеся кондициональные влияния, проходя через подсознание, меняют его и через него и его действия. Постоянно выявляя скрытое через явное, человек меняет внешний мир и самого себя и обостряет вопрос об оптимальном поддержании соответствия его внешнего мира с его миром внутренним. Ситуация усугубляется тем, что саморазвертывание инновационного движения помимо того, что оно является движущей силой инновационного процесса как целого, влечет и побочное формирование многих других замкнутых и саморазвертывающихся процессуальных реальностей, требующих дополнительного внимания.

В отличие от привычных статичных неактивных объектов-реальностей инновационный процесс, будучи неразрывно связана со средой, выделяется из ее контекста в виде самостоятельного подвижного специфического образования, условно подобного вихрям в воде или воздухе. В процессе инновационных действий человека он в своем непрерывном рефлексивном движении меняет свое положение в среде, одновременно вовлекая в себя все новые ее компоненты и меняя самого человека, как во внешних причинных функциях, так и его бессознательную сферу и сознание. Человек оказывается не просто участником рефлексивных действий, а и связующим звеном их осуществления.

В целом, рефлексивное саморазвертывание комплекса ведет к его усложнению, порождению многокомпонентных, полисубъектных и полиобъектных составляющих. Исходный вихревой процесс, развиваясь, дифференцируясь в себе, порождая разнообразные новые рефлексивны циклы, в свою очередь дивергирующие, приобретает все

более разветвленный характер, а общая картина - все новое онтоко-онтологическое содержание. Явная исходная цикличность-рефлексивность «вихря» утрачивает прежнюю очевидность, становится скрытой за множеством порожденных им сосуществующих и субординированных относительно самостоятельных циклов. Внешне подобные инновационные образования как целые предстают в виде хаотически меняющихся единств многообразий компоненто-субтотальностей (которые в этом процессе могут меняться, исчезать и рождаться). Их развертывание и образует инновационный процесс как *тоталогенез*.

Исходя из данной инновационной картины, можно уточнить, что объектом инновационного процесса выступает не просто тотальность (развертывающееся в себе, но сохраняющее себя единство многообразия), а *сложный процесс тоталогенеза, в котором при всех возможных изменениях и трансформациях его содержания через поддержание его оптимальной сизигийности сохраняется целостность, позволяющая его постоянно идентифицировать с самим собой*. Объектом инноваций может быть все, что угодно, при условии, что «оно» представляет из себя самодвижущуюся, самоорганизующуюся, рефлексивную целостность. Это не значит, что данная целостность должна быть полностью изолирована от мира, от обмена с ним энергией, субстратом или информацией. Скорей наоборот, чтобы жизнь тотальности продолжалась, она должна такой обмен осуществлять постоянно. Это живые организмы и их органы, работающие производства и их субструктуры, общество и его субчасти – государство, политическая организация, самодеятельные организации, города, городские субструктуры, предприятия, организации, институты, театры, временные, но целостные процессы типа футбольного матча, театрального представления или разнообразные соревнования и т.д.

Такие реальные образования - вокруг нас и мы сами. Но все же не любая реальность сама по себе может быть объектом инноваций. Во многих случаях ее необходимо вначале сделать такой и это будет акт *создания* объекта инноваций, а не инноваций. Хотя и акт создания может стать инновационным, если он будет рассматриваться как часть охватывающей его тотальности. Например, нельзя осуществлять инновационные действия по отношению к бизнес-структуре, которой нет. Для этого сначала необходимо ее создать и этот процесс не относится к инновационным сам по себе. Но, если создание бизнес-структуры происходит в связи с развитием или реформированием определенной экономической сферы, частью которой она должна

быть, то оно становится инновационным актом в связи с реальными отношениями с данной сферой.

Можно сказать, что любая деятельность может являться инновационной, если правильно определиться с ее целостным контекстом и действовать с ней *по законам и связям этой целостности*. Но для этого и сама эта целостность должна удовлетворять некоторым дополнительным требованиям помимо тех, которым должна отвечать тотальность, чтобы быть тотальностью. Они связаны с тем, что действия самого человека не только как части тотальности, а и как иницирующего и движущего весь процесс субъекта, были комфортными для него и оптимальными для процесса. Это касается и других людей – участников инновационного процесса. В связи с этим любые инновации, поскольку они всегда касаются также и людей, должны рассматриваться и как *гуманитарные инновации*. Их осуществление должно всегда предполагать специфику субъектов-инноваторов и исполнителей-инноваторов.

Данное обстоятельство порождает еще один важный вопрос – о соотношении гуманитарных и негуманитарных составляющих инновационного процесса. Вместе с этим возникает вопрос о соотношении гуманитарных инноваций и всех прочих (негуманитарных). Этот вопрос оказывается чрезвычайно актуальным в современной жизни, поскольку его слабая разработанность влечет множество проблем социально-экономического, социокультурного, социально-политического плана и непосредственно затрагивает жизнь каждого члена общества, поскольку любой человек не только исполнитель тех или иных внешних общественных функций и обязанностей, а и самостоятельный жизненный мир, с которым внешние инновационные изменения неразрывно связаны.

IV. Роль гуманитарных инноваций в инновационном процессе

Метафизика тотальности позволяет не только классифицировать инновации на едином основании, а и осознать фундаментальную роль гуманитарных инноваций в нашей жизни, которая на сегодня плохо изучена и потому явно недооценивается. Качественная граница между гуманитарными и негуманитарными инновациями состоит в том, что первые *предстают как процессы переработки неявных парсических информационных потоков идущих из мира к человеку изнутри и не до конца осознаются им*, а потому недооцениваются, кажутся только его личным делом, а духовная жизнь общества также рассматривается как

вторичная и второстепенная, сама по себе часто как не заслуживающая внимания вообще. А вторые связаны с *внешними, осознаваемыми* преобразованиями человеком самого *мира*, имеющие непосредственно важное значение для жизни, и потому кажутся первостепенно значимыми, независимо от того, идет ли речь о материально-производственных, экономических, социальных или политических изменениях. В действительности, как это отмечалось в связи с анализом принципа причинно-кондициональной самодетерминации, те и другие неразрывны в нашей жизни.

Важнейшая специфика гуманитарных состоит в том, что именно в связи с ними осуществляется *переход бессознательного в сознательное в человеке*. Только после этого становятся возможными преобразования неявного мира сознания в явный, осязаемый и материальный мир, и сами негуманитарные инновации. Для нормальной жизни человека в среде его внешние инновации должны согласовываться с внутренними, технико-производственные, социальные и другие, осуществляемые в обществе и природе, должны гармонизировать с внутренней жизнью человека и формирующихся в нем мироощущением, переживанием, смыслами, нормами и ценностями.

Несмотря на это, монадно-парсические процессы в самом человеке, лежащие в основе всех гуманитарных инноваций, до сих пор фактически не рассматривались в инновационном плане, хотя именно в них и происходит таинство перехода неявного в явное. Вложение средств в гуманитарную сферу считается не рациональным, гуманитарные инновации кажутся более неопределенными в своей результативности и несущими повышенные риски, слабо контролируемые, требующими повышенной ответственности, публичности и потому малопривлекательными. Общество, несмотря на все свои успехи, до сих пор настолько неразвито, что все внимание уделяет производственно-экономическим нововведениям, а тема перехода бессознательного в сознательное, играющего ключевую роль в рождении инновационных идей, разрабатывается недостаточно, если не сказать не разрабатывается совсем.

Связное разрешение вопроса о механизме перехода неявного в явное в человеке, как и обратный механизм порождения явными средами неявных парсических влияний, влияющих на человека, ждет своего часа. Объем необходимой здесь работы связан с изучением следующих вопросов:

1. переход скрытых парсических влияний в психический процесс;
2. переход психической функции в статус бессознательного;

І.Інновації і буття

---

3. переход бессознательного на уровень предсознания;
4. переход предсознания на уровень сознания;
5. переход сознания на уровень осознания им своих интенциональных возможностей;
6. выбор ведущей интенции как внешней цели;
7. практическое осуществление перевода цели в результат.

На этом пути предполагается разработка ряда вспомогательных методик и другие действия. Среди них:

- разработка критерия отбора желательной для осуществления инновации интенции и механизма ее отбора;
- разработка возможных моделей адаптации комплекса осознанных инновационных интенций к внешней средовой ситуации и выбора оптимальной;
- действия по практическому осуществлению оптимальной модели и контроль за обеспечением оптимального хода инновационного процесса.
  - постоянное отслеживание не только явных, а и неявных последствий инновации и их учет в инновационном процессе.

При этом любая инновационная деятельность предполагает учет ее связи с реальной общеэкономической, технической, технологической, политической, научной и т.д. ситуацией. Иначе разрыв технических и гуманитарных инноваций негативно скажется на общем инновационном движении. Важен и выбор наиболее эффективных инноваторов, «креативных» людей, способных более других чувствовать и фиксировать взаимную связь явного и неявного в инновационной деятельности. Понятие креативности должно нести именно этот смысл, в противном случае оно делается неопределенным, несет путаницу в инновационную деятельность и мешает оптимальному отбору исполнителей.

Например, согласно А.Маслоу креативный человек – тот, кто способен без начальных целей и предварительной подготовки «путем импровизации отрываться от прошлого ради текущей ситуации». Здесь игнорируется роль внешнего, явного. Внешнее имеет значение только как фактор, к которому надо уметь постоянно и удачно приспосабливаться. Предлагается акцентировать внимание на людях, не отягощенных грузом прошлых знаний и представлений, но способных быстро адаптироваться к переменам. Т.е. ставка делается на развитие приспособительных способностей. Не принимается во

внимание, что в этом случае результат может оказаться совсем не таким, как ожидают.

Подобная опасность заложена, к примеру, в широко рекламируемой сегодня идее т.н. «проектного обучения», возрожденной из 20-х годов, когда она возникла как применение к образованию философии прагматизма Д.Дьюи, позже высказывалась в связи с призывами к усилению гуманистического и творческого начал в обучении. Сегодня ее сторонники, опираясь на правильный лозунг единения теории и практики, выступают за формирование креативных людей в школах и институтах в качестве главной задачи. Но одно дело, когда для этого предлагают использовать апробированные методы - индивидуальный подход к обучающемуся, связь школ и институтов с производством и т.п., и другое, когда абсолютизируется ориентация на самостоятельную «проектную» деятельность учащегося в обучении. Можно ли считать получаемых таким образом людей «инновационными» только потому, что они, еще не усвоив фактических знаний, уже научены рассуждать о них и «использовать» в своих «проектах»? Как иначе можно расценивать высказывания сторонников проектного подхода о том, что ученик в ходе обучения должен заниматься не наукой, а науковедением, не литературой, а литературоведением и т.п.? Фактически речь идет о воспитании «инноваторов»-демагогов, сориентированных не на фундаментальные знания, мировоззренческие и нравственные императивы, а на манипулирование ими в своих доморощенных «проектах». Сторонники такого подхода иногда ссылаются на слова А.С.Макаренко о том, что формирование сильной, богатой натуры «необходимо проектировать» (см. первый том восьмитомного собрания его сочинений, стр.258), без смущения перекладывая задачи педагогов, о которых говорил А.С.Макаренко, на самих обучающихся. Ссылаются также на слова С.Б.Крымского о том, что «сегодня нужен не исполнитель, а творец»¹⁸, не учитывая того, что если человек не способен исполнять, то его «творчество» сродни маниловскому. Таким образом, по «инновационным» методикам из еще нравственно и социально не сформировавшихся молодых людей призывают создавать породу «людей-технологов» с мозаичным сознанием и с ущербной социальной памятью, оторванных в своей «проектной деятельности» от реальной жизни и способных лишь фантазировать по ее поводу.

---

¹⁸ Метод проектів: традиції, перспективи, життєві результати. Практикозорієнтований збірник. – К.: Департамент. – Вип 2 – 2003, с.8.

І.Інновації і буття

В условиях современного информационного бума, креативность связывается также с людьми, владеющими информацией и информационно-компьютерными технологиями¹⁹. Но гуманитарная сторона инноватики здесь также остается в тени, человек рассматривается как придаток к информационно-техническим процессам, обслуживающий их. «Гуманитарный эффект» информатизации состоит разве что в том, что в стране растет число безработных, выброшенных на улицу. В обоих рассмотренных случаях коренной порок инновационной политики по отношению к человеку состоит в том, что «креативный» человек на самом деле рассматривается как или *фантазирующий из себя* субъект, или как *вторичное*, приспособляющееся к ситуации существо, как пассивная часть социально-технического мира.

Человек действительно вынужден приспособливается к постоянно меняющемуся миру как среде своей жизни. Но нельзя игнорировать того принципиального обстоятельства, что он, в то же время, является активной частью этого мира и поэтому неизбежно также меняет его в соответствии со своими потребностями и целями. Принципиально важной *исходной позицией в рассмотрении инноваций* является фундаментальный принцип онтико-онтологической двойственности человека, - как активного онтического начала, с одной стороны, и как части общества и природы, - онтологических начал его жизни – с другой. Истинно инновационными являются люди, которые, *самореализуя себя онтически-индивидуально в онтологических условиях, влияют этим и на данные условия, чем создают новые духовные (бессознательные, затем сознательные) предпосылки для своей дальнейшей онтической деятельности и влияния на среду, и тем стремятся к гармонии себя с миром и мира с собой – к постоянной оптимальной жизни.*

Самым существенным моментом в данном механизме является переход неявного парсического влияния среды на человека в бессознательное, затем сознательное проявление его в человеке, побуждающее далее человека к новым внешним действиям, способствующим выявлению и организации новых форм внешней жизни общества, природы, и самого человека. Каким образом эти взаимодействия осуществляются? В определенной мере это *главный вопрос* инноватики. Как скрытая жизнь бытия, частью которой человек является, но которую не осознает, каким-то образом вдруг становится для него явной и осознаваемой, а не преподнесенной ему как уже

---

¹⁹ Stewart T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organisations. N.Y.- L. Doubleday /Currensy 1997.

открытый учеными явный результат по прежней старой схеме? Причем ее постоянный поток осознается не во всей своей обширной полноте, а в каком-то одном ее фрагменте, необходимом здесь и сейчас. Чем определяется выбор именно этого фрагмента? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим механизм самого превращения скрытого в явное в сознании человека.

Человек и сознательно-бессознательные процессы

Человек является *постоянным узлом связи скрытого и явного миров* и ведущим в инновационном процессе. Но в отличие от вещей, человек, бессознательно связывая собой скрытое и явное, затем может сознательно осуществлять преобразования внешнего мира. Именно в нем и через его деятельность *скрытое переходит в явное* не через приборы или стихийные трансформации, а непосредственно и, что важно, в связи с предыдущим этапом инновационного процесса. С другой стороны, через человека также и явное может переходить в скрытое и влиять на него, вплоть до меонической субстанции бытия. Поэтому в индивидуальной деятельности особый интерес представляет не только скрытое влияние ситуации на сознание и действия человека на мир, а и их своеобразный «диалог», когда человек своими сознательными или бессознательными реакциями на ситуацию вызывает ответную реакцию ситуации на эти действия по отношению к себе.

О влиянии человека на меонические уровни и их диалог

Субстратный мир в своих исходных вещах, формирующихся из амерических состояний меона, оказывается *двойственным* по своей сути: на уровне меонических микровлияний его жизнь подчиняется скрытому меоническому миру как универсальной онтологической субстанции бытия и соответствует ему, но на более высоких, субстратных уровнях он живет по внешним причинным законам мира субстратного и в соответствии с его законами, проявляясь в каждой конкретной ситуации как индивидуализированное онтическое, вещное бытие. Субстратный мир имеет свое многообразие и свою иерархию, а также свою, связанную с ней иерархическую, но менее глубинную чем меоническая, парсику.

Меонические коды вещей в субстратной ситуации причинности могут сказываться лишь как скрытые глубинные влияния, внешне иногда проявляющиеся в виде инородных, аномальных по отношению к причинным действиям форм и отношений. Появление и формирование субстратного мира, как и сама его жизнь на его меоническом и америческом уровне, постоянно направляются информационно-энергетическим кодом меона, но на уровне субстратном решающее влияние этого кода прекращается, поскольку ведущую роль здесь играют причинно-энергетические связи и отношения и влияния субстратной парсики. Меонические влияния остаются ведущими в скрытом состоянии, внешне проявляясь лишь в виде тех или иных модификаций и «расцветок» субстратного мира да в форме всякого рода тонких отклонений от внешних норм, а также в виде неожиданностей, случайностей и аномалий. Могут ли эти аномалии, тем не менее, нести нам какую-то значимую информацию и влиять на наше поведение?

О возможности практической фиксации парсических влияний, доказывающей их реальный характер, уже говорилось выше. Но при рассмотрении *единства* меонического и субстратного миров фиксация одностороннего влияния неявного мира на явный недостаточна. Необходимо проанализировать также и возможность обратного влияния мира субстратного на меонический, а в целом - *об их взаимодействии*. Существует ли *обратное* влияние субстратного мира на меонический, а также и субстратного влияния на свою субстратную парсику? Такое влияние имеет место уже хотя бы потому, что вещи являются явными формами существования меонического бытия., его своеобразной инверсией. «Инверсия» в данном случае - не просто образ, ее реальное значение состоит в том, что благодаря ей принцип *неявной* меонической жизни на уровне меонического кода вещи *закладывается и в явную жизнь вещи*, в которой он продолжает действовать, хотя и на уровне неявном. Явные вещи продолжают пребывать в «меоническом море» как его части, хоть и взаимно обособившиеся подобно морским организмам, зародившимся в одном и том же море, но самостоятельно живущим в нем. Если бы они были выброшены из «меонического моря», они перестали бы существовать подобно морским животным, выброшенным на берег. Поэтому их собственная специфическая жизнь продолжается в контексте меонической субстанциальности как их неперемного условия. Но если это так, то они могут влиять на меоническую жизнь как на *свои условия* и причинные действия в мире субстратном *не должны оставаться безразличными для меонического мира*. Связь

меонического и субстратного миров не только существует, а и носит до сих пор не осознававшийся нами, но постоянно действующий развертывающийся рефлексивный характер.

Так человек, занимаясь своими причинными делами, одновременно через меонический уровень втянутых им в процесс вещей и себя самого *влияет на жизнь меона «сверху вниз», а соответствующие изменения меона сказываются на формировании амеров и происходящих из них вещей и самого человека «снизу вверх».* Мир явный и мир неявный находятся в постоянном подвижном взаимодействии и взаимоизменении. Бытие как их единство пребывает в постоянном процессе своей общей трансформации.

Из этой картины следует, помимо прочего, что наши явные действия вызывают обратные скрытые влияния на нас, которые мы не осознаем, но которые могут вызывать события в нас самих, *коррелирующие с теми, которые мы уже произвели,* и не только мы влияем на события, а и события не только явно, а и скрыто заставляют нас *корректировать свои действия* в ходе текущей деятельности. Жизнь явная идет параллельно с жизнью скрытой и они связаны друг с другом. Из-за скрытого характера обратных влияний и их малой интенсивности данный факт долгое время не мог быть установлен. Однако в последние годы появился целый ряд работ²⁰, непосредственно приводящих к необходимости такого признания.

Особо в этом ряду следует выделить уже цитировавшуюся работу И.Магафурова²¹. В ходе проведения своих исследований неслучайных совпадений в последовательности «случайных» чисел, получаемых с помощью механизмов, принцип действия которых сходен с последовательными выпадениями рулетки в казино, И.Магафуров столкнулся с необходимостью признать также и то, что между результатами прошлых бросаний и будущих существует связь, нечто вроде памяти, что «процессы на масштабах мелких подробностей нас могут контролировать» (с.222-223), что «рулетка и экспериментатор работают согласованно... Ведь если мы обнаружили многочисленные отклонения от случайного, а так оно и есть, то это означает, что экспериментатор и рулетка связаны «невидимыми нитями»... что

---

²⁰ С.Э.Шноль, В.А.Коломбет, Э.В.Пожарский, Т.А.Зинченко, И.М.Зверева, А.А.Конрадов. О реализации дискретных состояний в ходе флуктуаций в макроскопических процессах. – Успехи физических наук, 1998, №10, с.1129-1140. Бак П., Чен К. Самоорганизованная критичность. В мире науки, 1991, №3, с.16-24. Roger D.Nelson. Edge Science, 2009. Is the Global Mind Real?, 1, p.6-9. И др.,

²¹ Магафуров И. Структура хаоса. – М., 2010 – 259с.

експериментатора могут проконтролировать так, что он и не заметит» (с.228), «экспериментатор тоже является частью экспериментальной установки; поэтому смена экспериментатора может быть отнесена к изменениям условий эксперимента» (с.230), «я как экспериментатор думаю, что я выбираю момент времени останковки счета, а выясняется, что я участвую в каких-то процессах, которые меня контролируют» (с.231). Таким образом, результаты испытаний не случайны, а подчиняются «неизвестным ранее балансам типа законов сохранения» (с.4). Как отмечалось раньше, таким регулирующим «балансом» является требование сизигийности.

Так же можно говорить и об обратном влиянии *субстратной* парсики на действия самого субстрата. Примером может служить влияние виртуального сознания человека, надстраивающегося над реальным сознанием в виде его своеобразной парсики. Оно может существенно влиять на человека, превалируя даже над его обычным сознанием. Основатель виртуалистики Н.А.Носов говорил о виртуальности как об искусственной, сотворенной, *порожденной*, т.е. вторичной в психике человека, по отношению к которой *порождающая* психическая реальность носит *константный* характер. Это создает существенные возможности для *саморегуляции* психических процессов и позволяет объяснить ряд необычных феноменов в поведении человека, например в экстремальных ситуациях (пилота при посадке самолета на фюзеляж, поведение серийных убийц, причины алкоголизма, позволяющие выработать более эффективные методики его лечения и др.), когда виртуальный компонент вполне явно проявляет свое влияние на поведение человека.

Сказанное указывает, что инновационная проблематика требует нестандартного обращения не только к философской онтологии, а и психологии и гносеологии, одновременно указывая на необходимость нового взгляда на них. Остановимся, в связи с этим на структуре сознания.

Структура сознания

Можно говорить о двух типах идеального бытия (сознания) человека (обозначим их С1 и С2), причем таких, что их признание выводит за пределы традиционных фрейдистски-юнгианских пониманий психики и ее интерпретации как отражения мира в ходе человеческой деятельности. Речь идет, в одном случае, о сознании, действительно формирующемся в ходе деятельности человека и обретающего понятийную и вербальную форму, а в другом – о таком,

которое предстает *непосредственным объективным проявлением бытия* в нашем сознании, но еще не опосредованным им. В этом втором случае, с позиций традиционных представлений, оно сознанием вообще не является. Оно не является и традиционным индивидуальным или коллективным бессознательным, поскольку не зависит от человека. Но оно не является уже и только внешним бытием, поскольку присутствует в самом человеке и непосредственно касается его, хотя до времени и не осознается им.

Иначе говоря, наше сознание структурировано гораздо более глубинно и существенно, чем дают в своих учениях З.Фрейд и К.-Г.Юнг и их последователи, выступает как проявление не только непосредственно практической, деятельностной, а и более фундаментальной, *недеятельностной системы отношений человека и мира*, благодаря которой *не только человек пребывает в мире, а и мир пребывает в человеке*. Такой подход служит основой более продуктивного и многообещающего прочтения взаимосвязей сознательного и бессознательного в человеческой психике, а также реального и виртуального в ней. Рассмотрим подробнее это двухкомпонентное функционирование сознания, напоминающее носовское разделение его на две части, но позволяющее рассматривать его с гораздо более фундаментальных, онтико-онтологических позиций понимания самого человека как одновременно онтического и онтологического существа, а значит придать теме «реальное-виртуальное» более масштабное звучание.

Первое сознание (С1) - формируется благодаря человеческой деятельности, определяющим образом зависит от практики, уровня исторического развития общества. С1 проявляется через понятия, формы и стереотипы логических фигур и правил «обычного» дискурсивного мышления и чувственности, а также вырабатываемые в практической деятельности автоматизмы, стереотипы, подражания и другие подобные формы и их подсознательные компоненты. Это сознание «привязано» не столько к бытию вообще, сколько к социальному бытию, поскольку с философской точки зрения предметная деятельность и есть способ и форма существования социума, вне которой социум невозможен. С1 реально в той же мере, в какой реальна деятельность. Попытки отбросить идею деятельности не увенчались успехом. Сегодня наметилась тенденция возрождения деятельностного подхода²² Рассматриваемая с позиций психологии

---

²² См. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - с.75-87. Не исчез деятельностный подход и из

деятельность сочетает в себе предметность и осмысленность, что отличает ее как социально-психологическую от физиологической активности²³. С помощью деятельностной методологии возможна выработка сознания и усвоение культуры даже у слепоглохих людей, как это осуществлено в практике И.А.Соколянского и А.И.Мещерякова, о чем писал Э.В.Ильенков. Благодаря деятельностной сущности сознания-1, оно, с одной стороны, испытывает развитие, адекватное развитию человеческой истории и практики, с другой - по той же причине несет черты не только социоцентризма, а и геоисторизма и геоцентризма и *поработается этими ограничениями*.

В отличие от этого **второе сознание (С2)** имеет истоком *внедеятельностную* сферу, функционирует в результате *непосредственного воздействия на уже существующую психическую базу сознания человека внедеятельностного мира* - планов бытия, непосредственно и сознательно не вовлекаемых в практическую деятельность человека, но присутствующих своим влиянием в человеке как всемирного существа. Степень и характер проявления С2 зависит от развития телесности, психики и накопленных индивидуальных знаний и жизненного опыта человека. Платон говорил, что философствует не разум человека, а человек. М.Мерло-Понти, - что «видит не глаз и не душа, а тело как открытая целостность». Эти слова (к ним можно добавить и слова Ст.Тулмина о том, что «физик, а не физика объясняет физические явления»), можно понимать по-разному. Но представляется, что объективная основа подобных высказываний лежит именно во всемирном характере отношений человека и мира, которые не исчерпываются деятельностью, более того, носят в определенном смысле *метадеятельностный* характер. Мир в этом случае действует на человека всей полнотой своего бытия, хотя человек не в состоянии осознать эту полноту в полной мере, рассматривает это действие преимущественно через призму только деятельностных характеристик - интерес, мотив, цель, средство, результат, формирование деятельности и ее регуляция и трансформация по ходу ее протекания.

психологии (где он был введен С.Л.Рубинштейном), несмотря на разные его интерпретации (см. послесловие К.А. Абульхановой-Славской К.А. и А.В.Брушлинского к работе: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 713с., а также более раннюю работу К.А. Абульхановой-Славской: Деятельность и психология личности. - М.: Наука. -1980. - 335с.).

²³ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. - М.: Смысл. 2003. - 487с. - с.147-152.

Но важно, что человек, пребывая в разных «местах» бытия, получает *разное влияние мира* и это меняет состояние его С2 независимо от его желания и сознания С1. С другой стороны, меняя свою деятельность, он меняет С1, хотя С2 при этом может существенно не меняться. Все это важно для состояния *сознания как целого*. На самом деле в человеке важно не столько С1 и С2, сколько *их соотношение*. Именно их соотношение определяет *характер положения человека в мире в каждый момент и его самочувствие, его активность и характер этой активности*.

Особенности отношения С1 и С2

Что можно сказать об С2, кроме того, что его происхождение лежит за пределами деятельности? Необычность С2 состоит прежде всего в том, что хотя оно и не порождается деятельностью (при том, что деятельность может способствовать такому порождению), оно все же *не может проявляться как человеческое качество без ее опосредования и опосредования сознанием С1*, переживаниями, а также телесными формами выражения (мимикой, жестами, телодвижениями и т.п.). В противном случае оно проявлялось бы только в животной форме и смешивалось бы с психикой, вырабатываемой непосредственной средой обитания живого организма, как это имеет место в поведении животных. Влияния универсума обретают форму С2 тогда, когда его непосредственные воздействия на физиологические и психические механизмы человека *сказываются на процессе деятельностного формирования идеально-психической сферы С1 в человеке*. Этим сразу сужается наша способность непосредственно чувствовать С2 по всей его полноте, поскольку мы получаем влияния бытия только в *закодированной* с помощью С1 форме.

Получается, что без наличия С1 сознание С2 оказывается невозможным, поскольку без С1 мыслящий человек отсутствует вообще, и С2 *проявляется тем активней, чем больше развито «обычное» сознание С1*. С1 является как бы полем и пространством проявления С2. С2 характеризует особенности непосредственного единства данного человека с миром, но эти особенности могут выявляться только на базе развитого сознания С1 и в его форме. Иначе говоря, *хотя в С2 мир свидетельствует себя через обычное человеческое сознание С1, но С2 не является собственным феноменом сознания С1*. Парадокс в том, что, как уже отмечалось выше, недеятельностное сознание, будучи более глубоким и тонким чем

деятельностное, в своем проявлении оказывается лишь «модуляцией» деятельностного и *лишь поэтому и в этой форме способно нами восприниматься*. Помимо того, что внедеятельностные формы модуляций, например в языке, часто присутствуют как некие феномены обычного языка и потому воспринимаются человеком как некие фигуры обычной речи, вырабатываемые в ходе деятельности, они, однако, не опосредованы логикой и когнитивными связями до конца, а просто даны как факт в виде изолированных от привычного мира знаний и языка инородными фрагментами и сами по себе непонятны. Они воспринимаются человеком, но остаются для него чужими. Этим конкретизируется позитивный смысл кантовского понимания человека одновременно как «явления», подчиняющегося внешним законам, и как «вещи в себе», связанной с его нравственным началом, не подвластной внешней необходимости законов.

C2 кодирует C1 разного рода проявлениями, которые не соответствуют логике C1, а потому предстают как нечто неожиданное, «неоднозначное», «случайное», «ошибочное», поэтому его надо еще декодировать, что и представляет собой тяжкий путь познания. Подобные аномалии, требующие толкования, всегда имеют место, а поскольку познать их сразу сложно, общество с давних времен либо рассматривало их как нечто несущественное или не заслуживающее внимания и игнорировало, либо рассматривало их как знаки высшей силы, как чудо, и находило успокоение в разных формах религиозной веры, краеугольным камнем которой чудеса и являются. Но реально важными являются не C1 и C2, а их реальная связь и отношения.

На самом деле *в привычных нам формах* сознания (осознаваемого или бессознательного) *всегда присутствует как привычная (из практики), так и непривычная (аномальная для нашей практики) информация о мире*. Последняя не зависит от концептуального, смыслового, ценностного строя C1, но присутствует в C1, вследствие чего мы ее только и можем фиксировать. Истинный же вопрос связан с тем, как, несмотря на указанные сложности, C1 и C2 реально взаимодействуют.

О механизме взаимодействия C1 и C2

Вопрос о механизме взаимодействия C1 и C2 имеет фундаментальное значение для понимания функционирования нашего сознания *как целого*. Но чтобы указанный механизм стал понятен, можно обратиться к тому, что объединяет оба компонента, - к их

І.Інновації і буття

общему материальному носителю – *телу человека*, поскольку *только через него и реализуется их связь*.

Из сказанного выше можно о носителе сделать один важный вывод: связанная с С1 и С2 и несущая их соматическая основа (в конечном итоге нервная система) должна быть *двойственна в своем функционировании*. Ее материальные компоненты одними своими свойствами важны как обеспечивающими *устойчивую базовую структуру* мышления С1. Но они должны иметь и множество *других свойств*, непосредственно не связанных с С1, но *способствующих принятию* модулирующих влияний мира и формированию С2. Первые играют ведущую роль в сознательной жизни человека, вторые, в общем случае, подчиненную и неопределяющую, но они всегда есть как результат влияния бытийной среды на человека как условий его жизнедеятельности. В понятиях метафизики *тотальности* материальные компоненты, рассматриваемые как носители первых свойств, являются явными, *генерологическими*, а те же компоненты, но как носители вторых свойств - *парсическими*. Т.е. С1 носит ведущий, явно участвующий в нашем поведении генерологический характер, благодаря чему и реализуется сознательная деятельность человека, а С2 – скрытый, часто неявный и неопределяющий, парсический, выступает как проявление не деятельности, а мира, частью которого является человек. С2 есть результат действующих на человека *«со всех сторон» условий его жизни*, влияние которых большей частью не осознается нами, но без которых наше существование, невозможно, поскольку мы – части мира и остаемся частью мира в любой нашей деятельности.

Именно *взаимодействие соматической генерологии и парсики и создает материальную основу отношений С1 и С2*. Здесь генерология, «отвечающая» за С1, образует то, что можно отождествить с *носовской константной структурой*, а парсика, отвечающая за С2 – то, что носит *виртуальный, но реально присутствующий характер*. В таком случае, используя анализ рг-отношений, можно детальней разобраться с механизмом их отношения.

Структура и динамика механизма

Рг-отношение развивается по определенной схеме: функционирование генерологии (константной структуры) в результате ее естественного развития и дифференциации в ходе познавательного процесса ведет к росту парсического давления, которое и может вызывать нарушение генерологии или ее перестройку в новое

состояние с новой парсикой. Виртуальное в этом случае может частично переходить в генерологическое состояние, играть ведущую (определяющую поведение человека) роль, а прежние генерологические отношения частично или полностью превращаться в парсические, подчиненные. При этом внешние события в критических переходных режимах могут играть решающую роль, определяя ход процесса в одном или другом направлении в соответствии с характером и кодом своих влияний. Это и наблюдается в описанных случаях выдвижения виртуальных факторов на ведущие позиции в определенных ситуациях, вызывающих внешне неадекватные действия человека. Таким образом, качественная *гипотетическая* картина, описанная в виртуалистике, получает *механизм* ее развертывания и ориентирует на изучение соматики под углом зрения ее *pg-структуры и ее динамики*.

Но метафизика тотальности позволяет идти дальше. Например, анализировать *развертывание* указанного механизма pg-переходов. Переходный процесс можно разделить на *три этапа* – меонический, амерический и завершающий. Первый связан с нарушением генерологии и образованием ситуации *pg-неопределенности*, где отсутствует четкое разделение на генерологию и парсику. Этот этап получил название *меона* (уже-не-бытия). В случае C1 и C2 это состояние, где C1 теряет свое ведущее значение, а C2 уравнивается с ней по значению и проявляется почти явно, имеет место неопределенное субстанциальное смешение сознательного и бессознательного, явного и скрытого, внешнего и внутреннего. Если на этом все завершается, человек попадает в ситуацию *разрушения сознания*, когда одновременно способен как на неожиданные прозрения и откровения, так и на безрассудства и нелогичное и неадекватное поведение. Если же переход продолжается, то в результате пересечения разных меонических потоков, в том числе и идущих извне влияний среды, образуются узлы пересечений и могут устанавливаться относительно устойчивые отношения между ними, соответствующие своей упорядоченностью порядкам внешних ландшафтных влияний бытия и чувствительные к меонической субстанциальности. Оформившееся таким образом относительно устойчивое новое состояние называется *амером*.

Амер еще не есть новая генерология, поскольку неразрывно связан с внешней средой, непосредственно зависит от образующих его меонических потоков, это скорей «проект» возможной новой генерологии, а не сама генерология, в этом смысле выступает как

«еще-не-бытие». Но в ходе своего функционирования он может вырабатывать собственные механизмы устойчивости, освобождаться от жесткого влияния образующих его меонических потоков, ведущим образом взаимодействовать с другими амерами меонической среды и, как следствие, обретать устойчивое *новое рг-состояние* и новую генерологию. Это будет означать *завершение* перехода.

Осуществленный переход означает изменение С1 и С2 и переход их отношения из исходного устойчивого состояния в новое конечное, также устойчивое состояние, где ряд прежних скрытых влияния С2 переходит в разряд ассимилированных человеком в качестве пусть и неосознаваемых до времени, но относительно устойчивых для его новой ситуации состояний С1. В дальнейшем эти повторяющиеся состояния С1 могут осознаваться и из бессознательных компонентов С1 превращаться в осознаваемые.

Подобные процессы взаимопереходов С1 и С2 не хаотичны, не являются абсолютно произвольными. С1 и С2 могут соответствовать или не соответствовать друг другу, При несоответствии процесс не завершается позитивным результатом, когда же они приобретают устойчивый характер, это означает, что отношение С1 и С2 достигло соответствия, *гармонии С1 и С2* в жизнедеятельности человека, гармонизации сознания человека как *целого в его деятельностном и недейтельностном отношениях с миром*. На этом пути постоянного продвижения от одного гармоничного состояния к другому реализуется жизнь, какой она должна быть, в которой новое качество открытий в области С2 не вступает в противоречие с деятельностью человека и его сознанием С1, а рефлексивно предполагают взаимное развитие друг друга.

На этом пути неизбежно будет актуализироваться вопрос об эффективных методах раскрытия природы процессов, сил и феноменов, скрывающихся за модуляциями С2, неявного мира на основе анализа его аномальных проявлений в явном. Ведь как нравственное начало проявляется в нашей жизни, так же С2 влияет на нашу жизнь и проявляется в ней. Но тогда оно должно поддаваться и нашему анализу. Внедейтельностную информацию можно получать, декодируя модуляции деятельностной, в том числе и прежде всего отражаемые в языке, но также и в наших действиях и практике вообще. Например, человеческая архитектура несет отпечаток архитектуры универсума, хотя мы этого можем не осознавать.

Этот вывод предполагает дальнейший анализ способов декодирования. Можно предварительно лишь отметить, что указанное декодирование может осуществляться, с одной стороны, через анализ

неожиданных проявлений недеятельных феноменов в сознании в виде инсайтов и прочих произвольных реакций, с другой - речь может идти о декодировании человеческого бытия и всей человеческой культуры. Метафизический подход предполагает отграничение его от культурологического и лингвистического. Речь должна идти не об анализе культурно-исторической семиосферы (что само по себе важно, но не есть конечная цель метафизики), а о выявлении только внедеятельных значений и смыслов культуры, самой деятельности и языка. На путях решения этой задачи и возможна метафизика. В метафизике тотальности рассмотрением путей и методов решения такой задачи занимается парсология. Важно при этом обращать особое внимание на дальнейшее уточнение отношения бессознательного к С2. А для этого важно дальнейшее уточнение структуры бессознательного.

Структура бессознательного, модель реализации скрытого в явном

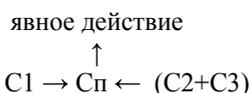
Глубинные влияния мира на человека, в общем случае, не осознаются им в полной мере в силу их необозримого источника, действующего «отовсюду». Они сосредоточены на глубинном бессознательном уровне, присутствуют в нем всегда, поскольку человек всегда остается частью бытия как одна из его форм. Однако можно этот бессознательный уровень, кроме того, что соотнести его с сознательным уровнем С1, подразделить на подуровни.

Первый, представляющий *неявное* сознание, находящееся в данный момент в «спящем» состоянии, в памяти. Обозначим его как Сп, т.е. как состояние памяти, скрытое хранилище информации. Сп непосредственно связано с явным сознанием человека С1, которое формируется в нас нашей социальной жизнью, деятельностью и социальными отношениями. С1 постоянно обращается к памяти, извлекает из нее нужную в данный момент информацию, и прячет в ней то, что в данный момент не нужно.

Второй - бессознательная часть, определяемая парсическими влияниями, связанными с геоцентрическим положением человека в нашей планетарной системе и на земле. Она обусловлена в частности, влияниями, связанными с солнечной активностью, сменой времени суток, времен года, ноосферными и другими скрытыми процессами на земле. Обозначим эту геоцентрическую составляющую бессознательного как С2.

Третий, самый стабильный бессознательный подуровень образуют влияния, связанные с присутствием далекого космоса и изменений вселенских масштабов в нас. Это бессознательное, задаваемое нашей космической сущностью. Обозначим его С3. В него не входят влияния, связанные с нашей солнечной системой и землей, на которой мы живем, т.е. не входит С2.

Таким образом парсические влияния, образующие структуру бессознательного в виде отношений Сп, С2, С3, соотнесены со структурой источников парсических влияний – геопланетарной реальностью земли и ближнего космоса и вселенским космосом. Указанные источники скрытого влияния мира на человека, порождающие разные проявления бессознательного, задают не только структуру бессознательного, а и определяют особенности ее функционирования в человеке. С3 – пронизывает С2, Сп и С1, т.е. все процессы сознательно-бессознательной жизни, наиболее стабильно в общей структуре духовной жизни и служит стабилизирующим и наиболее глубоким ее основанием. На его фоне происходят все другие сознательно-бессознательные процессы. Благодаря С3 мы обладаем скрытой бесконечно широкой и глубокой информацией о бытии от рождения, которая пока лежит в нас мертвым грузом. С2 – задает геоцентрическую ритмику духовной и телесной жизни и реагирует на аритмии геоцентрического характера, влияя на телесное и психическое самочувствие. Сп - область памяти, непосредственно связанная с операцией сравнения поступающей в человека информации с наличной в памяти С1 и формирующая рефлексивную деятельность реакцию организма и человека на результаты сравнения по схеме:

Здесь Сп - область, в которой происходит сравнение неявной информации, присутствующей в Сп, с приходящей из сознания С1, с одной стороны, и идущих от среды как через телесность С2, так и непосредственно в виде С3-влияний, с другой. На основе указанного сравнения формируются психические и внешние реакции человека на общую ситуацию. В общем случае, внешнее практическое действие человека рождается на базе психики, причинных влияний социальной среды и природных явлений. Одновременно участвует в этом сознание С1, реализуемое через мышление, логику, язык в общении с другими людьми.

Общий механизм связи сознательного и бессознательного состоит в том, что неисчерпаемое бессознательное С3, неявно, условно говоря, на уровне n-го знака после запятой, задает наше поведение в соответствии с космическими порядками, присутствующими и в нашем С2. Само С2 может пополняться в ходе нашей жизнедеятельности также за счет того, что наши внешние целенаправленные причинные действия вовне на основе С1 вызывают обратные скрытые парсические влияния со стороны затронутой среды на нас изнутри, а также и другими людьми и обстоятельствами среды и результаты этих влияний. Не будучи сознанием С1, они надстраиваются над С2 как наименее глубинный, «местный» слой бессознательного Сп, связанного с нашей текущей деятельностью. Здесь и происходит сравнение С1 и С2 и их несоответствие. И далее результат сравнения проявляется психически через наши переживания, эмоции, потребности, далее – через сознание, мотивы и цели и выходит наружу через наши решения и действия. Эта сложная цепь связи, сравнения и переходов между С2 и С1 может рассматриваться как непосредственный механизм и модель реализации неявного и скрытого в нашей внешней жизни в явное и способное влиять на эту жизнь.

Фактически речь в данном случае идет о специфическом инновационном процессе, переводящем скрытое в явное в самом человеке. Он является личностным инновационным процессом. Как процесс и результат сравнения С1 и С2 он связан с личностным переживанием нами меняющегося мира в себе.

Человек как движущая сила инноваций

Проблема человека-инноватора касается сущности человека и самой его жизни. Скажем, человек от рождения включен в социальный процесс как сложную историческую инновацию, творимую множеством исторических инноваторов и массой рядовых участников. Но каждый из рядовых может быть инноватором в том или ином субтотальном, субисторическом новом движении. Каждый человек всю жизнь участвует в мировой инновации своими действиями, попутно участвуя в множестве более частных инновационных процессов, диктуемых самой жизнью, может переходить из одного инновационного процесса в другой, третий и т.д., выстраивая при этом свою собственную жизнь как непрерывно реализуемый им инновационный проект. Он участвует во множестве ролей и в разных

условиях и средах, демонстрирует себя как полионтичное и полионтологическое существо, что позволяет ему быть и множественным инноватором, более или менее успешно выстраивающим им свою сквозную и синтезную инновацию-жизнь. Но во всех этих случаях инноватор – не любой человек, а тот, кто может соответствовать ряду требований.

В своей инновационной деятельности он должен быть особо чувствителен к своей онтико-онтологической дуальности, понимать, что включаясь в жизнь объекта инновации как *субъект-инициатор* инновации, он становится также *частью* этой жизни, т.е. *объектом* инновационного влияния. С самого начала он попадает в двойственное положение одновременно субъекта и объекта инновации. И данное обстоятельство играет принципиально важную роль для возможности инновационного процесса, поскольку обеспечивает не только прямую связь инноватора с инновационной средой, а и обратную и позволяет не только продолжать инновационную деятельность, а и осуществлять ее оптимально.

Для остальных участников чувствительность к своей онтико-онтологической дуальности также важна, но по другой причине, она позволяет им лучше ориентироваться в сложной общей инновационной ситуации. В этой сложной инновационной ситуации любой участник ощущает себя в специфической среде, которая налагает на него свои требования. В процессе всестороннего взаимовлияния и взаимокоординации действий всех участников эти требования подобны тем, которые выдвигаются в гражданам в развертывающемся в себе, но сохраняющем себя организованном обществе, но выражены более четко и сильно, поскольку от их выполнения результат зависит непосредственно и резко. Человек участвует в них своей деятельностью как множественная причина и множественная органическая часть разных условий. Задача участников инновационного процесса состоит в том, чтобы общая картина этого движения не только не распадалась, а и постоянно самосогласовывалась текущей взаимосвязью, в которой каждый человек несет информацию не только о своих и обратных действиях, а и о действиях всех других, и все влияют на всех как внутренне, так и внешне через все уровни *полионтизма* и *полионтологизма*.

При этом важно следить за тем, что хотя одни онтические образования в инновационной среде могут исчезать, а новые порождаются, инновационная тотальность, должна сохраняться как единое целое. Закономерности подобных процессов формируются при

участии человека и он может овладеть ими, что открывает возможность уверенного управления даже сложными ситуациями.

В наш перманентно меняющийся век обучение этому полезно любому человеку. Ведь мы *постоянно пребываем в инновационных отношениях со средой*. Жизнь имеет вид чередования сложных прогрессирующих причинно-кондициональных ситуаций, втягиваясь в которые и становясь ситуативным «инноватором», человек втягивает в них других, а выходя из этих процессов, утрачивает одну инновационную роль, приобретая одновременно другую или множество других. Любой, даже сознательно локализуемый, относительно замкнутый механизм связи человека и среды, сам по себе как целое связан с множеством сложных и пересекающихся природных и общественных инновационных процессов, в которых человек участвует помимо своей воли и, так или иначе, реагирует на них хотя бы своим самочувствием и поведением. Например, в картине отношений «общество-природа» существуют не общество само по себе и не природа сама по себе, а то постоянно меняющееся и развертывающееся единство многообразия (тотальность) – которое В.И.Вернадский назвал ноосферой, живущей сложной многоцикличной, но единой связной жизнью, из которой мы не можем быть исключены.

Инноватор в тотальности: императивы деятельности

В инновационном процессе человек и среда не существуют сами по себе, имеет место их *развивающееся единство*, где за счет взаимодействия людей как субъектов меняется их общий парсический средовый фон, благодаря чему они сами меняются и как объекты, по иному ведущие себя далее и в своей субъектной форме, а инновация в целом реализуется как оптимальный в своей бесконфликтности и взаимопонимании не только на логическом уровне, а и во всей его монадно-парсической полноте процесс.

То, насколько этот процесс развивается успешно, зависит от действий как инноватора, так и остальных участников. Можно ли управлять этим процессом? Это вопрос о том, какие требования должен выполнять инноватор и участники, чтобы инновация развивалась в оптимальном направлении. Рассмотрим этот вопрос, отталкиваясь от примеров.

Скажем, инноватор производства как субъект задает общую стратегию *внешних* изменений в производстве как то, что должно быть, но, переживая ход этих изменений как участник и часть

производственных событий, т.е. как объект инновации, он чувствует эти изменения и *изнутри* - с позиции мнений работников производства. Соединяя в себе желаемое должное и реальное сущее в этом процессе, он уточняет и корректирует стратегию дальнейшего инновационного процесса и ее осуществление. Этим инновационная деятельность отличается, в частности, от реформаторской. Реформатор находится во внешнем положении по отношению к объекту реформирования и стремится навязать объекту свою волю, даже при встречном сопротивлении со стороны последнего. В отличие от этого инноватор должен обладать развитой онтико-онтологической дуальностью и как не только субъект, а и *часть* общего процесса инновационной среды – *парс*, переживать его изнутри, психологически, возможно даже на уровне подсознания, и корректировать свое внешнее поведение как субъекта. В таком случае инновационный процесс является также процессом гармонизации отношений всех компонентов производства, т.е. оптимальным для производства. Обеспечение гармонизации, сизигийности объекта инновации - важное требование и атрибут инновационного процесса.

Еще один пример - диалог. Участвуя в диалоге, каждый человек одновременно является активным субъектом, когда высказывает свою позицию, и объектом, когда, выслушивая позицию другого, продолжает оставаться частью диалога. Постоянно присутствуя в диалоге, оба участника являются и субъектами, и объектами его. Но в диалоге всегда кроме внешнего понятийно-вербального генерологического общения, основанного на логике, участники пребывают также в общей неявной парсической атмосфере, проявляющейся в деталях поведения участников, ритмике разговора, характере отвлечения на внешние обстоятельства и на не имеющие непосредственного отношения к теме разговора отступления. Только наличие указанных двух сторон делает возможным диалог не только обменом информацией, а и собственно диалогом.

Высказывания одного участника влияют на парсический фон диалога, вызывая в нем те или иные флуктуации. А эти флуктуации неявно, на уровне подсознания влияют на другого участника, в том числе модифицируют, «расцветчивают» неожиданными мотивами его вербальное поведение. Если понятийное общение участников диалога носит внешний и осознаваемый участниками генерологический (вербально-логический) характер, то его алогичные модификации, вызванные флуктуациями парсического фона, играют роль возбудителя дополнительных тем разговора и его продолжения.

Таким образом, логическая часть диалога постоянно сопровождается влиянием скрытых, в том числе невербальных флуктуаций, что, в конечном итоге, сказывается на каждом из участников уже как на субъектах формально-логического дискурса, который однако разнообразится нелогичными и неожиданными поворотами мысли и случайностями, порождаемыми подсознанием и процесс идет все дальше. Трудно уловимый парсический фон флуктуаций оказывается в этом случае важным постоянно присутствующим и влияющим изнутри на участников диалога фактором, который в обычных представлениях о диалоге как правило не учитывается. А между тем, именно из этого парсического фона и исходят флюиды инноваций в беседе, заставляющие участников продолжать ее, обращаясь к новым доводам, примерам, менять ход обсуждения и саму тему обсуждения²⁴, что может быть не понятным или странным для посторонних слушателей беседы, не ощущающих ее парсического поля.

Из приведенных примеров следует, что управление инновационным процессом может осуществляться по-разному. В случае диалога за его ходом следят сами участники и корректируют его для получения наибольшей эффективности беседы и взаимной пользы. Но если предположить, что в обсуждении участвует группа людей, вопрос оказывается не таким простым. Он решается через появление лидеров, которые берут ситуацию в свои руки и каждый использует свои методы для управления ею. Здесь вопрос о *методологии* проведения инновационных действий становится практически важным. А если брать масштабы общества, в которых инновационные процессы идут постоянно в разных сферах и в бесконечно разнообразных проявлениях, то в этом случае вопрос о методах и механизме управления инновациями, приобретая общесоциальные масштабы и значение, становится крайне актуальным. Актуальность сегодня усиливается также тем, что стихийный повседневно-бытовой инновационный процесс жизни «снизу» повсеместно стимулируется недостаточно продуманной директивной инновационной политикой «сверху», так что к прежнему естественному стихийному инновационному фону добавляется искусственно создаваемый инновационный хаос на уровне производственно-технологической, экономической, политической и духовной жизни общества. Эта гремучая смесь становится угрозой стабильности общества, если не овладеть ею и не поставить себе на службу.

---

²⁴ Кизима В.В. Язык и неязыковое общение: pg-подход. // Totallogy. Постнекласичні дослідження. №26 –Київ: ЦГО НАНУ. – 2001. - с.7-89.

Из сказанного следует, что управляемость инновационным процессом зависит от числа участников и налаженного механизма согласования явных инновационных действий и их парсического фона. Управление процессом с помощью данных механизмов в решающей мере зависит от инноватора, который может включаться в критические ситуации и влиять на них. В связи с этим важно рассмотреть каким требованиям должен соответствовать инноватор, чтобы оптимально управлять инновационным процессом. Он может, начиная инновационную деятельность, выстраивать ее по-разному. Ему следует с самого начала решить, будет ли он инициировать дело с создания объекта инноваций, т.е. «с нуля», или использовать уже существующие объекты-тотальности, которые могут быть объектами инноваций по определению. В любом случае инноватор должен быть включен в процесс *движущая сила, определяющая его направление и сам ход*. А также он должен с самого начала помнить, что инновационная деятельность в любом случае – деятельность *ответственная*. Она предполагает следование принципам нравственно-гуманистического плана, поскольку они одновременно являются и общими принципами организации жизнедеятельности людей вообще. Обобщением их является *принцип сизигии*, в соответствии с которым любая деятельность должна гармонизировать жизнь, а не нарушать ее. Конкретно, принцип сизигии требует:

- инновационный процесс не должен предполагать радикальных разрушений объекта, ибо это означало бы не инновацию, а тривиальное освобождение места для чего-то другого;
- инновационный процесс может вести к существенным трансформации объекта, но лишь в случае, когда эта трансформация будет естественным развитием объекта или решением специально поставленной экспериментальной задачи;
- инновационный процесс не должен быть процессом «любой ценой», т.е. осуществляемым за счет значительных разрушений инновационного потенциала, заложенного в исходном объекте, ради получения менее значимого результата. То есть, внося инновационную деятельность в уже существующую автономную реальность, следует одновременно предполагать и выполнение соответствующих сизигийных требований ответственности.

Кроме этого инноватору следует исходить из нескольких других более простых, но также важных требований. Планируя инновационную деятельность, он должен:

1. избирать тотальности, способные максимально полно соответствовать данной деятельности;

І.Інновації і буття

2. если он исходит из уже избранной тотальности, будь то производственный процесс, сфера образование, городское хозяйство или что-то иное, он должен ориентироваться только на те инновации, которые будут органически соответствовать жизни данной тотальности, развивать ее, а не разрушать;

3. инноватор должен учесть также, что ему, как иницирующему началу, следует стать органической частью избранного объекта инновации не только в организационном, управленческом, а и в коммуникативном и социально-психологическом планах и оценить объект и себя с позиций общей взаимосовместимости. Иначе его действия могут стать не только бесперспективными, а и сверхзатратными и, в конечном итоге, разрушительными;

4. в любом случае инноватор должен учитывать, что не существует инноваций «самих по себе» и не пытаться строить инновационный процесс на пустом месте. В этом случае ему уместнее сначала заняться тем, что называется «самоопределением», «организацией», «конструированием», «строительством», «возведением», «изобретением», и другими подобными действиями.

4. поддержание оптимальной сизигии, ориентированной на благоприятную жизнь человека, есть задача управления развитием любой тотальности, частью которой является человек. Поэтому в объекте инновационного влияния *должны быть предусмотрены (представлены) механизмы поддержания оптимальной сизигии инновационного процесса*

5. человек может и должен выступать в инновационных процессах как разное в разных ситуациях онтическое существо и входить одновременно во множество субтотальностей объекта как часть разных его субонтологий, т.е. быть одновременно полионтичным и полионтологическим инноватором, *способным усложнять, модифицировать, трансформировать объект инновационного процесса*. В соответствии с этим и объект *должен предполагать возможность дифференциаций и редукций функций своих компонентов и необходимый массив последних*.

Инноватор должен смотреть на инновационную ситуацию не только с частных и местных позиций, а и с позиций более широкого и глубокого контекста. Помещать ее в своем сознании в реальную социальную, производственную, политическую и др. среду в зависимости от характера инновации, что важно для получения правильного понимания стратегических перспектив своей инновационной деятельности. Необходимо также непрерывно

определяться с текущими особенностями инновационного процесса, постоянно помнить, что его участники, в том числе сам инноватор, всегда являются частью инновационного объекта на том или ином его онтологическом уровне, и что объект инновации на самом деле – не только среда, а и люди, независимо от того, понимают они это или нет. Инновации – не самоцель и не только более эффективное и масштабное изменение и переустройство мира, не считающееся с самим миром, не изменения среды сами по себе, они, помимо прочего, - способ гармонизации человека и мира, и эта гармонизация должна осуществляться не задним числом как исправление ошибок инноваций, а *быть постоянной, заложенной в самом инновационном процессе как категорический императив*. Поддержание оптимальной сизигийности должно быть *главной задачей управленческих действий* в обществе и *управленческих усилий* как в каждом отдельном случае управления той или иной текущей ситуацией, так и в ходе интегрального управления обществом в целом как общая цель всех.

Такая постановка задачи:

во-первых, требует нового подхода к инновационным технологиям, поскольку полагает явное включение в инновационную деятельность человека как носителя не только действия и сознания, а и подсознания в их взаимной связи, т.е. во всей его полноте;

во-вторых, предполагает развитие и внесение в общество нового мировоззрения, основывающегося на требовании гармонизации отношений человека, общества и природы как основополагающего принципа человеческой жизни. Помимо прочего, соблюдение оптимальной сизигийности обеспечивает минимизацию расходов на инновацию. А в более широком смысле позволяет не только избежать катаклизмов, кризисов и катастроф, а и обретает осязаемый и поддающийся постоянной реализации универсальный нравственный и гуманистический смысл, обозначаемый понятиями взаимопонимания, доверия и любви.

Практический итог для последующей инновационной работы: сегодня признаками инновации считаются три прежде всего внешних свойства: научно-техническая новизна, производственная применимость, коммерческая реализуемость (способность удовлетворять рыночному спросу и приносить прибыль производителю). Без учета *людей* и их *решающей* роли в инновационных процессах *такой взгляд на инновации бесперспективен*.